УДК 911.3:711.4

На правах рукописи

Бадов Александр Даурбекович

ГЕОГРАФИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук

Краснодар – 2009

Работа выполнена на кафедре экономической, социальной и политической географии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова

Официальные оппоненты: доктор географических наук, профессор Г.С. Гужин

доктор географических наук, профессор А.И. Алексеев

доктор географических наук, профессор Ш.С. Мудуев

Ведущая организация: Ставропольский государственный университет

Защита состоится 15 октября 2009 г. в 13-00 на заседании диссертационного совета Д 212.101.15 по географическим наукам при Кубанском государственном университете по адресу: г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 200.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного университета (читальный зал), с авторефератом – на сайте ВАК РФ http://vak.ed.gov.ru

Автореферат разослан ___ сентября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат географических наук Л.А. Морева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СТРУКТУРА РАБОТЫ

Актуальность. Преступность – одно из страшных явлений в жизни общества. Она оказывает влияние на все стороны жизнедеятельности населения, откладывает отпечаток на образ жизни человека, напрямую связана с его жизнью, здоровьем, материальным благополучием. Одним из негативных последствий глубокого социально-экономического кризиса, охватившего наше общество в конце XX в. стал бурный рост преступности. Потери от криминализации общества неисчислимы. Ежегодно в России в тюрьмах, колониях и т.п. отбывает свой срок более 800 тыс. осужденных, численность персонала уголовно-исполнительной системы более 330 тыс. чел. Таким образом, более 1,1 млн. экономически активного населения отвлечено от производственной деятельности. Общие расходы федерального бюджета 2008 г. составили 6895 млрд. руб. Из них на содержание МВД было затрачено 373,7 млрд. руб., Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков – 17,9 млрд. руб., Министерство юстиции – 4,2 млрд. руб., Федеральную службу исполнения наказаний – 132,6 млрд. руб., Генеральную прокуратуру – 34,7 млрд. руб., Следственный комитет при Прокуратуре – 11,2 млрд. руб., Верховный суд – 2,0 млрд. руб., Судебный департамент – 85,3 млрд. руб. Таким образом издержки Федерального бюджета на правоохранительную деятельность составили 661,6 млрд. руб. или 9,6% (не считая различных надзорных служб в сфере финансовой деятельности).

В настоящее время преступность, наряду с мировыми войнами и возможными глобальными катастрофами, стала главнейшей угрозой человечества. Это связано с интенсивным развитием преступности. Так, еще сто лет назад было установлено, что темпы прироста преступности намного выше темпов прироста населения. По данным Четвертого обзора ООН, преступность в среднем прирастает на 5% в год, а численность населения – на 1-1,2%.

Анализ причин роста преступности основывается на исследовании общих причин кризисных явлений в обществе, вызванных диспропорциями

экономического, политического и социального развития. На структуру преступности влияет региональная специфика социально-экономической обстановки. Многочисленные криминологические исследования подтверждают, что в регионах с высокой преступностью отчетливо проявляются рассогласование экономического и социального развития. Преступность выступает достаточно точным критерием состояния социальной и экономической обстановки. Такое положение настоятельно требует привлечения к борьбе с преступностью специалистов самого разного профиля. В частности, существенную роль здесь могли бы сыграть исследования, проводимые в рамках социальной географии.

На современном этапе развития географической науки все больше внимания уделяется ее социальному блоку, а внутри него – одному из перспективнейших разделов – географии преступности (геокриминологии). Развитие региональных исследований состояния преступности в связи с социально-экономическими и другими факторами обусловили необходимость становления географии преступности. Причем большое значение уделяется ее прикладному характеру.

Вопросы, изучаемые географией преступности, особенно актуальны именно для сегодняшней России, в связи с особенностями настоящего периода, его противоречиями и закономерностями. Обострение криминальной ситуации в стране, рост групповой преступности, появление международных криминальных сообществ, срастание преступности с властью, бурное развитие новых видов преступлений, изменение географии преступных деяний вызывают необходимость проведения геокриминологических исследований.

Именно территориальные различия преступности, существенная дифференциация уровня и состояния преступности в отдельных регионах привели к возникновению географии преступности.

Исследования проблем преступности убеждают, что без выявления социально-экономических особенностей, без учета физико-географических факторов невозможно определение региональной специфики криминальной ситуации. Преступность как социальная составляющая действует в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с демографическими и социально-

экономическими процессами, а геокриминология, как географическая наука обязана учитывать и влияние природных условий.

Важнейший аспект – картографирование исследуемых процессов и явлений. Такой подход присущ именно географической науке. И именно геокриминология (в отличие от других наук, исследующих преступность) успешно владеет данным методом исследований.

В настоящее время ключевым вопросом является определение географии преступности как науки.

Географию преступности (геокриминологию) можно определить как науку, изучающую территориальную дифференциацию преступности и взаимосвязи между географическими условиями и ее уровнем (характером) в пределах территориальных систем различного таксономического ранга.

Путем системного изучения количественных и качественных различий криминальной ситуации в отдельных регионах страны геокриминология выявляет ее основные тенденции и закономерности, прогнозирует дальнейшее развитие криминальной ситуации и определяет пути ее оптимизации.

Изученность проблемы. География преступности находится на стыке ряда наук и, прежде всего, – социальной географии и криминологии. Однако обзор географического изучения преступности показывает, что этой проблемой занимались, в основном, криминологи и, в значительно меньшей степени, – географы. Это обстоятельство существенным образом обедняет возможности географии преступности как научного направления и, в некоторой степени, замедляет ее развитие. Уже сами определения географии преступности, предложенные криминологами, вызывают множество вопросов.

Подавляющее большинство работ по географии преступности, написанные криминологами, сводится к математическому анализу статистики, в них не выявляются географические факторы преступности, нет содержательной географической интерпретации, отсутствует картографическая основа. В работах криминологов (совершенно объективно)

криминологическое существенно преобладает над социально-географическим (криминологический детерминизм).

Тем не менее, к настоящему времени именно криминологи сыграли определяющую роль в становлении и развитии географии преступности. Проведенный анализ опубликованных в нашей стране работ показал, что примерно на 75 работ, написанных криминологами, приходится одна, написанная географами. Существенный вклад в развитие географии преступности внесен социологами.

Первые уголовно-географические исследования провели в 1833-1835 гг. А.-М. Герри и А.Ж. Кетле. Уголовно-экологическую школу основали К. Шоу и Г. Маккей. Определение географии преступности дал Г.-Й. Шнайдер. Вопросами географии преступности занимались Т. Моррис, Г. Фелис, Р. Уайт, К. Шмид, С. Лотье, Б. Лендер, С. Куинсли и др.

До революции в нашей стране проблемы географии преступности поднимались в работах М.Н. Гернета, А.А. Пиотровского, С.В. Познышева, М.П. Чубинского. Основные направления геокриминологии выделил М.Н. Гернет.

В 1920-1950 гг. вклад в развитие географии преступности внесли М.Н. Гернет, А.А. Герцензон, А.А. Жижиленко, М.М. Исаев, П.И. Люблинский, А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский, Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский, А.С. Шляпочников, А.Я. Эстрин и др.

В 1970-х гг. во Всесоюзном институте Прокуратуры СССР была подготовлена рукопись «Преступность в СССР. 1917-1970» (научный руководитель А.Б. Сахаров), в которой исследовались основные тенденции преступности и ее географическая распространенность.

Там же, под руководством В.Н. Кудрявцева, а затем А.Б. Сахарова, на базе Орловской и Кировской областей были проведены исследования, в которых было доказано влияние на уровень преступности таких факторов, как урбанизация, миграционные процессы, половозрастной и социальный состав населения, типы и формы расселения, людность поселений и т.д.

В 1980-х гг. произошел переход от исследований отдельных экономических и социально-демографических факторов к комплексным исследованиям всего причинного механизма преступности. Эти тенденции

просматриваются в крупномасштабных исследованиях Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А.И. Долговой. Разработки в различных вузах страны послужили становлению региональной криминологии.

По настоящему первой географической работой, исследовавшей преступность, можно считать монографию А.А. Габиани и Р.Г. Гачечиладзе «Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР)». Работы этих авторов представляют собой анализ преступности на основе социально-географического районирования.

Особенно большой вклад в становление и развитие территориально-криминологического направления внесен Я. Гилинским, А. Лепсом, Э. Раской, Л. Спиридоновым и другими авторами сборников «Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности».

К.Т. Ростов, исследуя преступность, обосновал преимущества социально-географического подхода над территориально-криминологическим.

Крупнейший вклад в развитие географии преступности (и не только) внес В.В. Лунеев. Его цикл «Мировые, региональные и российские тенденции преступности XX века», ряд других работ и в том числе «География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.)» во многом изменили взгляды исследователей, занимающихся криминологией и географией преступности. В.В. Лунеев дал определение географии преступности и рассмотрел географию как метод криминологического анализа.

В трудах С.А. Шоткинова исследуются проблемы географии преступности Сибири и Дальнего Востока. Преступность в городах изучалась в работах В.И. Гладких, Л.В. Кондратюк, А.А. Матвеевой, С.С. Овчинского. Вопросы соотношения городской и сельской преступности рассматривались в работах А.Ф. Соколова, А.А. Габиани, Р.Г. Гачечиладзе и М.И. Дидебуладзе. Влияние природно-географических, социально-демографических и экономических факторов на преступность исследовали В.М. Рябцев и В.М. Ведякин.

Таким образом, в современной географической науке практически нет работ, исследующих преступность. Нет самого определения географии преступности, не разработан методический и методологический аппарат.

Объект исследования – преступность в Российской Федерации и ее факторы.

Предмет исследования – особенности и закономерности территориальных различий преступности, предопределяемые физико-географическими и социально-экономическими условиями.

Исходя из вышеизложенного, **цель** настоящей работы – анализ ***взаимосвязей между географическими условиями, уровнем, характером и территориальными закономерностями изменения преступности в регионах России.***

Достижение цели обеспечивается постановкой и решением следующих **задач:**

- определение предмета, целей и задач географии преступности;
- ретроспективный анализ географического изучения преступности;
- изучение географических факторов преступности: природного, демографического, расселения и урбанизации; этнического и религиозного; специфики территориальной организации хозяйственной деятельности; разработка методических и методологических основ изучения преступности;
- выявление сущности геокриминальных проблем;
- анализ общих закономерностей и региональных особенностей эволюции и трансформации преступности;
- исследование географической распространенности терроризма;
- изучение территориальной организации пенитенциарной системы;
- определение криминально безопасных и опасных регионов России;
- разработка и развитие теории геокриминальных зон;
- прогнозирование перспектив развития криминальной ситуации и поиск путей снижения криминальной напряженности.

Теоретической и методологической основой исследования послужили работы ученых, как в области социальной географии, так и в области криминологии. Кроме того, были изучены изыскания в других науках, изучающих географию преступности, – экономике, социологии, философии и др.

Были использованы общенаучные и социально-географические методы исследования:

– сравнительно-географический метод, то есть метод сопоставления с другими регионами;

– метод пространственного анализа – выявление и объяснение пространственных различий в территориальной распространенности преступности;

– картографический метод – создание серии карт – и как конечная цель исследования, и как средство для раскрытия пространственных взаимосвязей;

– экономико-статистический анализ, определение средних величин, ранжировка данных и т.д.;

– исторический подход, предметом которого является развитие преступности;

– изучение литературы по данной теме, использование опыта других исследователей.

Диссертация основывается на обработке первичных материалов статистического учета, архивов, разработок информационных центров МВД России, республик, краев, областей. Были проведены полевые исследования в зоне осетино-ингушского конфликта, в органах милиции по местам (РСО-А, Краснодарский край), Федеральной службе Госнаркоконтроля по РСО-А. Работа прошла экспертизу и получила положительные отзывы в Парламенте Республики Северная Осетия-Алания (главный эксперт – Первый Заместитель Председателя Парламента, профессор С.М. Кесаев), в Госнаркоконтроле по РСО-А (эксперт – руководитель Комитета, М. Бичегкуев).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней географическими методами исследованы особенности преступности в России за 1990-2006 гг., ее территориальная дифференциация; введены и развиты

понятие «геокриминогенное положение», «криминальная безопасность регионов»; разработана и развита теория геокриминальных зон; выделены основные геокриминальные зоны страны и проведена их классификация; рассчитаны общие коэффициенты латентности преступности за период 1990-2003 гг.; определены механизмы влияния географических факторов на криминальную ситуацию; изучена территориальная организация пенитенциарной системы; разработаны критерии определения степени криминологической безопасности регионов; определена степень криминологической безопасности регионов; разработана серия карт криминальной ситуации в стране; проанализированы общие закономерности и региональные особенности эволюции и трансформации преступности; дан прогноз дальнейшего развития криминальной ситуации.

Практическая значимость результатов исследования. Подходы по исследованию закономерностей развития преступности на очень большой по площади и значительно дифференцированной по условиям проживания и деятельности населения территории, предложенные автором в работе, могут быть применены при изучении преступности как отдельных регионов России, так других стран. Основные результаты исследования могут быть использованы как при разработке концепции борьбы с преступностью, так и для оптимизации пенитенциарной системы, размещения правоохранительных органов, как в целом, так и их структурных подразделений. В работе предложены конкретные меры по совершенствованию форм организации борьбы с криминалом, которые были разработаны с учетом раскрытых закономерностей территориальной структуры преступности, особенностей ее развития. Конкретным практическим результатом работы явилось создание серии карт, графиков и диаграмм и подготовка учебного пособия по географии преступности в России.

Основные положения диссертации используются автором при работе со студентами географического и юридического факультетов Северо-

Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова на различных видах занятий, в частности, по курсу «Социальная география», спецкурсу «География преступности».

Апробация работы и публикации. Основные выводы и положения диссертации были доложены и обсуждены на Международной научной конференции «Устойчивое развитие горных территорий: проблемы и перспективы интеграции науки и образования» (Владикавказ, сентябрь 2004 г.); Международной научной конференции «Инновационные технологии для устойчивого развития горных территорий» (Владикавказ, май 2007 г.); Международной научной конференции «Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе» (Ставрополь, октябрь 2003 г.); Международной научной конференции «Горные страны: расселение, этнодемографические, геополитические процессы. Геоинформационный мониторинг» (Ставрополь, октябрь 2005 г.); Региональной научно-практической конференции «Законодательное и практическое обеспечение деятельности органов исполнительной и законодательной власти в противодействии терроризму и экстремизму на территории Южного федерального округа» (Владикавказ, октябрь 2008 г.).

Основные положения диссертации

Проведенный анализ позволил к настоящему времени существенно приблизиться к пониманию весьма сложного феномена преступности в России. Ряд наиболее важных итогов исследования, которые служат предметом защиты, можно свести к следующим положениям.

1 На уровень преступности в том или ином регионе оказывает влияние целый комплекс факторов, среди которых выделяются: геокриминогенное положение, демографические, социально-экономические, пенитенциарный, наркобизнес, этнический, природно-географический и др. На современном этапе основными факторами, влияющими на криминальную ситуацию, являются: геокриминогенное положение, пенитенциарный, наркобизнес, демографическая ситуация, социально-экономические (факторы первого порядка). К факторам второго порядка можно отнести природно-географический, этнический, расселенческий и др.

1.1 В условиях России доминантным фактором является геокриминогенное положение. Особенности географического положения самым непосредственным образом сказываются на криминальной обстановке. Специфика приграничного положения, близость к «горячим» точкам, расположение на основных наркотрафиках, близость к дефицитным природным ресурсам и т.д. тем или иным образом способствуют осложнению криминальной обстановки. Выгодное географическое положение, с точки зрения развития экономики (приграничное положение, близость к дефицитным природным ресурсам и т.д.), не всегда бывает выгодным для безопасности населения. Таким образом, важным условием понимания антисоциальных процессов в каком-либо поселении или регионе является выявление его геокриминогенного положения (ГКП).

Под **геокриминогенным положением** понимается отношение данного объекта (поселения, региона) к объектам, находящимся вне и внутри него (другим регионам, поселениям, промышленным предприятиям, границам, транспортным путям, природным ресурсам, учреждениям пенитенциарной системы и т.д.) и оказывающих влияние на его криминальную обстановку.

Можно выделить объекты, напрямую влияющие на уровень преступности: наркотрафики, «горячие» точки, учреждения пенитенциарной системы и др.; а также объекты, влияющие на криминальную обстановку косвенно – государственная граница, природные ресурсы (особенно дефицитные), предприятия (в частности, производящие продукцию, имеющую особое значение) и т.д.

Самым непосредственным образом на безопасности граждан сказывается расположение вблизи «горячих» точек. Так, только с 1993 по 2006 гг. с территории Северной Осетии были похищены более 400 чел., из них – 304 чел. были освобождены с выкупом. Более 60% похищенных содержались в Республике Ингушетия и 30% – в Чеченской Республике.

Геокриминогенное положение – категория историческая, оно меняется во времени, в связи с меняющейся обстановкой вокруг объекта. Приближение государственных границ, как это произошло со многими субъектами Российской Федерации, коренным образом изменило геокриминогенное положение последних. Для приграничных районов России

традиционными являются такие преступные промыслы, как контрабанда, нелегальная торговля потребительскими импортными товарами, вымогательство и др., незаконный вывоз из России сырья, энергоносителей, цветных, редкоземельных металлов; ввоз-вывоз оружия, наркотиков; валютные и эспортно-импортные операции со стратегическим сырьем.

Соответствующим образом влияет расположение объекта на наркотрафиках или вблизи них. Так, например, расположение на основных путях перемещения наркотиков – Владивостока, Хабаровска, Самары, Астрахани и других – привело к резкому повышению уровня наркопреступности в этих городах. Значительное увеличение уровня преступности наблюдается в регионах, концентрирующих учреждения пенитенциарной системы (Пермская область и др.). Повышенный уровень преступности наблюдается в регионах, находящихся на путях миграционных потоков выходцев из Закавказья, Китая, Вьетнама и др. стран.

Таким образом, одним из важнейших факторов, влияющих на уровень преступности в каком-либо поселении или регионе, является геокриминогенное положение.

1.2 В современной России наблюдается усиление влияния пенитенциарного фактора на уровень преступности. Сложившаяся в ряде регионов система пенитенциарных учреждений приводит к разбалансированию межличностных отношений, росту социальной напряженности и, в конечном итоге, увеличению уровня преступности. Выявлена взаимосвязь между числом содержащихся заключенных и уровнем преступности в регионе. Эта взаимосвязь особенно проявляется в европейской части России. В наиболее пенитенциарно-нагруженных (т.е. регионах с высокой плотностью пенитенциарных учреждений) регионах (Пермская область, Республика Коми) уровень преступности значительно выше, чем в окружающих территориях. В Сибири же, наряду с современной пенитенциарной перегруженностью, можно проводить исторические параллели. Сибирь с давних времен использовалась как место ссылок, и это наложило своеобразный отпечаток на менталитет населения. С закрытием подавляющего большинства зон в Магаданской области, уровень преступности в регионе снизился в разы (в настоящее время в области

осталось только четыре учреждения ФСИН, было же несколько десятков – точное число до сих пор неизвестно).

Территориальное расположение Урала и Сибири, их удаленность от центра России, суровые климатические условия способствовали развитию в них сети пенитенциарных учреждений. Исследования, проведенные НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, ВНИИ МВД России, Департаментом уголовного розыска МВД России, а также К.К. Кораблиным, Л.К. Логачевой и Т.И. Шитовой, показали, что исторически сложилось так, что в рамках проводимой в отношении окраинных территорий политики еще царской России, из европейской части страны ссыльные прибывали в Сибирь в ссылку и на каторгу. Одним из условий последней являлось то, что по отбытии каторжных работ назначалось обязательное поселение в Сибири. Поселенцы являлись если не прямыми участниками преступлений, то наиболее активными проводниками уголовных традиций среди населения. Сходные тенденции наблюдаются и в современный период. Лица, освобожденные из мест лишения свободы, не имея источников легальных денежных доходов и постоянного места жительства, совершают новые преступления в тех регионах, где расположены исправительные учреждения.

В этих районах исключительно высока рецидивная преступность. Очень высокий уровень преступности отмечается в колониях-поселениях и вокруг них. Жертвами преступлений оказываются как сами заключенные, так и местные жители. В этих районах отмечается преобладание насильственной преступности. Ситуация еще более обострилась в связи с отменой в 1993 г. уголовной ответственности за нарушение правил административного надзора, а с 2002 г. – института административного надзора. Эффективная система пенитенциарного контроля за лицами, отбывшими наказание за особо тяжкие и рецидивные преступления, в стране до сих пор отсутствует.

Среди судимых, виновных в умышленном убийстве, причинении тяжких телесных повреждений и хулиганстве, удельный вес неоднократно осужденных составляет 52-54%. При этом за 1990-2003 гг. наблюдается тенденция повышения доли рецидивной преступности. Это свидетельствует о явном снижении действенности учреждений ФСИН. В настоящее время их

главная задача сводится к содержанию, а не исправлению осужденных. Неэффективная контрольно-профилактическая деятельность существенным образом влияет на совершение повторных преступлений.

1.3 Наиболее динамично развивающимся фактором преступности является наркобизнес. При этом наркобизнес выступает и как элемент преступности, и как ее фактор. В регионах-поставщиках наркотиков и регионах, находящихся на наркотрафиках наблюдается самый высокий уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Наркомания, в свою очередь, ведет к повышению уровня других видов преступлений, особенно грабежей, краж, разбоев, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью и т.д. По мнению наркологов, 60% грабежей, разбоев и краж в России происходит в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

1.4 Отдельные составляющие демографического фактора оказывают разнонаправленное влияние на уровень преступности. Взаимодействия темпов роста численности населения и прироста преступности не выявлено. В истории России были отмечены периоды, когда темпы роста населения опережали темпы прироста уровня преступности (например, с 1874 по 1894 гг.) и периоды, когда численность населения сокращалась, а уровень преступности резко возрастал (например, современный период).

Сдерживающим фактором роста преступлений является семья. Около 60% виновных в совершении убийств и тяжких телесных повреждений в брачных отношениях не состояли. Кроме того, почти 12% официально состояли в браке, но совместно с семьей не проживали. С другой стороны, насильственным посягательствам со стороны членов своих семей часто подвергаются женщины и дети. Однако данному виду посягательств свойственна высокая степень латентности. Чаще всего подобные преступления совершаются в Северном и Уральском районах, реже всего – на Северном Кавказе.

Фактором «работающим» на рост уровня преступности является неполная семья. По расчетам В.М. Рябцева и В.М. Ведякина, повышение

удельного веса детей, родившихся у матерей-одиночек на 1‰, влечет за собой увеличение общего коэффициента преступности на 0,6‰. Эта взаимосвязь наиболее выпукло проявляется на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири.

На фоне повышения уровня преступности в России явно просматривается тенденция опережающих темпов роста женской преступности и увеличения доли женщин среди всех совершивших противоправные деяния. Это происходит за счет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и преступлений в сфере торговли. Массовое вовлечение женщин (особенно, имеющих детей) в сферу хранения и сбыта наркотиков, объясняется существенными послаблениями к ним со стороны правоохранительных органов, судов и общественности. Суды, при прочих равных условиях, исходя из принципа гуманизма, назначают женщинам менее строгие показания, стараясь не лишать свободы. На женщин чаще распространяются амнистии, часть из них освобождается ввиду применения отсрочки отбывания наказания. Повышается доля женщин среди лиц, совершивших убийства и покушения на убийства. Последнее обстоятельство связано с общим увеличением числа убийств на бытовой почве. Основным структурным элементом женской преступности является корыстная преступность. Ее динамикой определяются изменения преступности женщин в целом.

1.5 Новые социально-экономические реалии способствуют значительному ухудшению криминальной ситуации в России и переходу преступности на иной качественный уровень. Наблюдается сопряженность в социально-экономическом и криминальном развитии страны. С одной стороны – уровень преступности растет, с другой – высшие эшелоны преступного мира становятся менее заметными. В их рядах произошла новая криминальная революция, приведшая к слиянию криминала, бизнеса и властных структур.

Анализ развития преступности по регионам России позволяет говорить об особом криминальном пути нашей страны. Так, если установленная общемировая тенденция такова: уровень преступности тем выше, чем выше уровень экономического развития страны, то в Российской Федерации

наблюдается несколько иная ситуация. В число наиболее криминально-опасных регионов входят слаборазвитые Тыва, Хакасия, Еврейская АО.

Тем не менее, влияние экономических факторов на уровень преступности практически доказано. Экономический кризис в нашей стране в конце 1980 – начале 1990-х гг. привел к резкому росту преступности. Дефолт 1998 г. привел к резкому росту противоправных деяний во второй половине 1998 и в 1999 гг.

Организованную преступность интересуют, прежде всего, экономически развитые регионы (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ярославская и Самарская области, Республика Татарстан, ХМАО и др.). Здесь совершаются преступления на экономической почве. Экономически слаборазвитые регионы организованную преступность интересуют меньше. Здесь преобладают преступления на бытовой почве, кражи.

1.6 В связи с преобладанием вынужденного характера миграций в обозреваемый период, высокие темпы роста преступности наблюдались в регионах, принявших наибольшее число беженцев и вынужденных переселенцев (Северная Осетия, Ставропольский и Краснодарский края, Самарская область, г. Москва). Так, в первые годы прибытия беженцев и вынужденных переселенцев в Северную Осетию (1992-1993 гг.), склонность совершать преступления у вынужденных мигрантов была в 3,5 раза выше, чем у местного населения. При этом в структуре преступности вынужденных мигрантов преобладали преступления общеуголовной направленности. Для них характерно было совершение тяжких насильственных и корыстных преступлений: разбоев, грабежей, краж, причинений вреда здоровью и др.

1.7 Значительное влияние на криминальную ситуацию оказывает безработица. Хотя доля официальных безработных колеблется в пределах 7-10%, на них приходится более 30% умышленных убийств и около 25% хулиганств и телесных повреждений. В таких регионах, как Кабардино-Балкария, Ингушетия, Ставропольский край на долю безработных приходится до 45% убийств.

1.8 Рост урбанизации способствует криминализации общества, росту уровня преступности, люмпенизации определенной части

населения. Наши исследования показывают, что в 80% случаев уровень общей преступности в регионе в целом ниже, чем в центрах субъектов. В России города с высоким уровнем преступности объединяет чаще всего то, что они расположены в восточной части России, в них достаточно много учреждений федеральной службы исполнения наказаний. Среди них как крупные многофункциональные центры с развитой промышленностью, так и города с узкой специализацией, либо сложившиеся как конгломераты поселков при отдельных предприятиях. В таких городах затруднены управление и правоохранительная деятельность.

Выявлена зависимость между величиной города и раскрываемостью преступлений. Чем крупнее город, тем ниже уровень раскрываемости преступлений. Особенно это относится к преступлениям против личности и корыстным преступлениям. В России по таким преступлениям, как грабежи, разбои, кражи самый низкий уровень раскрываемости фиксируется именно в Москве и Санкт-Петербурге. Далее по мере увеличения раскрываемости располагаются Новосибирск, Самара, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Красноярск и т.д. Почти стопроцентная раскрываемость преступлений в наименее урбанизированных автономных округах Сибири и Дальнего Востока.

Имеются различия, нередко существенные в структуре и динамике преступлений против личности, наблюдаемые в городских поселениях и сельской местности. В городских поселениях значительно выше так называемая уличная преступность, которая в некоторых крупных городах вырастает до масштабов национальной проблемы. В соответствии с данными регистрации, на улицах, площадях, в скверах и парках совершается каждое девятое изнасилование, каждое восьмое умышленное убийство, каждое четвертое-пятое тяжкое телесное повреждение, каждое третье хулиганство. В сельской местности преступления, чаще всего, совершаются «на дому». При совместном распитии спиртных напитков, проведении различного рода торжеств и т.д.

Значительное влияние на уровень преступности в городе оказывает миграция. В Москве местными жителями совершается около 60% всех регистрируемых преступлений. Остальная часть преступных посягательств

приходится на различные категории иногородних граждан. Среди них наиболее высока доля лиц, прибывших из стран ближнего зарубежья, особенно Украины, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Таджикистана.

В селитебных частях городов преобладают квартирные кражи (на которые приходятся от 1/3 до 1/2 от общего числа преступлений), кражи личного имущества, грабежи и разбои. В промышленных частях городов преобладают экономические преступления.

Действующие в Москве организованные преступные группировки (крупных – как минимум, 20) действуют по территориальному принципу. Анализ карты деятельности Московских ОПГ позволяет судить об их довольно жесткой привязке к определенным районам действий.

1.9 Обострение межэтнических проблем после распада Советского Союза привело к росту противоправных деяний в зонах конфликтов. Причем повышенный уровень преступности фиксировался в зонах конфликтов как до, так и после фаз обострения, но особенно во время этих фаз. Так, уже после фазы обострения осетино-ингушского конфликта, за период с 1993 по 2002 гг. в зоне конфликта на территории РСО-А было совершено 818 преступлений на межнациональной почве (в 2,2 раза выше среднефонового показателя).

1.10 Влияние природно-географического фактора на уровень преступности пока до конца не определено. Имеются весьма спорные работы В.М. Рябцева и В.М. Ведякина, указывающие на связь среднегодовых температур или урожайности тех или иных сельскохозяйственных культур и уровня преступности. В настоящее время с достаточной степенью уверенности можно констатировать лишь то, что природные условия «работают» на преступность в части незаконного оборота наркотиков. Почвенно-климатические условия Северного Кавказа, юга Сибири и Дальнего Востока благоприятствуют выращиванию здесь конопли и мака, а часто предсказываемое потепление климата может иметь отдаленные и потому упускаемые последствия: расширение ряда выращиваемых наркотикосодержащих растений и увеличение площадей под незаконными

посевами в России. Подобный сценарий вполне возможен, особенно с учетом крайне низкой степени освоенности азиатской части страны.

В то же время большое значение имеет наличие тех или иных природных ресурсов. Одним из примеров является лес, вокруг которого сложились крупнейшие криминальные структуры, контролирующие незаконную заготовку, переработку и переправку леса за рубеж (Иркутская, Читинская обл. и др.). Под контролем криминальных структур находятся добыча золота, платины, алмазов и других драгоценных камней на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Криминализована добыча морских ресурсов на Дальнем Востоке, Каспии и Азовском море.

2 При изучении криминальной ситуации в том или ином регионе важное значение имеет изучение территориальной дифференциации уровня преступности, ее развитие во времени и по территории, различий в преобладающих формах и структуре преступлений. Особый интерес вызывает исследование зависимости преступности от геокриминогенного положения, природных условий, характера взаимоотношений с другими административными образованиями, национального и социального состава населения, преобладающих форм расселения и уровня урбанизированности территории, типов и эстетичности застройки, уровня хозяйственного развития, темпов и характера развития рыночных отношений, устойчивости социально-экономического положения территории, дифференциации уровня и условий жизни отдельных категорий граждан и удельного веса безработных, насыщенности беженцами и вынужденными переселенцами, численности и качественного состава правоохранительных органов, а также совершенства законов и других объективных и субъективных факторов.

Это связано с тем, что лишь при условии научного анализа важнейших факторов и причинно-следственных связей преступности возможно эффективное противодействие криминализации общества.

Комплексная географическая характеристика преступности в регионе предполагает углубленный анализ сложных и многообразных связей и зависимостей, которые существуют между преступностью, населением, хозяйством и окружающей средой.

Основных задач географии преступности (геокриминалистики), как правило, несколько: выявление главных особенностей криминальной ситуации в регионе; ретроспективный анализ изменений уровня и структуры преступности; исследование причин региональных различий преступности (выявление влияния природных условий и ресурсов, демографического, социального, экономического, экологического и других факторов на уровень и структуру преступности); определение последствий изучаемых процессов; картографирование изучаемых процессов; выявление основных направлений развития преступности.

Уровень преступности в регионе можно оценить, сопоставляя соответствующие показатели со среднерайонными, среднеокружными, среднероссийскими и среднемировыми.

Для оценки динамики преступности в основном используются два показателя — темпы роста за определенный период времени и среднегодовые темпы прироста. Они рассчитываются как по основным исходным (абсолютным) данным, так и по относительным. Динамические ряды позволяют выявить тенденции развития общей преступности, ее отдельных видов.

Наиболее простой и чаще всего применяемый показатель, характеризующий уровень преступности, — общий коэффициент преступности (ОКП) — отношение числа преступлений за год на 1000 жителей к среднегодовой численности всего населения. ОКП измеряется в промилле (‰), довольно просто исчисляется и весьма удобен для сравнения уровней преступности на разных территориях.

Однако, по ряду причин, ОКП дает лишь приблизительную оценку ситуации. Во-первых, весьма сложной является структура преступлений, их тяжесть и направленность. Во-вторых, на уровень преступности и состав преступлений значительное влияние оказывает состав населения, состав совершивших преступления, наличие рецидива и т.д. В-третьих, значительное влияние на преступность оказывают природные и социально-экономические условия, наличие разнообразных природных ресурсов, географическое положение региона. В-четвертых, необходимо учитывать латентность преступности, уровень которой, по мнению многих

специалистов, весьма высок и в пределах Российской Федерации территориально весьма дифференцирован. В-пятых, изучение динамики дополнительных показателей позволяет более точно прогнозировать дальнейшее развитие преступности. В-шестых, именно на отдельные виды преступлений оказывают влияние природные и социально-экономические условия.

В связи с этим, для более полной характеристики преступности предлагается применять специальные показатели.

Исчислив общий и специальный коэффициенты, можно составить таблицы «Группировки регионов по уровню преступности за какой-либо отрезок времени (чаще всего за год). Например, за 1990 г. и за 2003 г. применительно к России регионы можно подразделить на пять групп: с очень низким, низким, средним, высоким и очень высоким коэффициентами.

Явления, исследуемые географией преступности, весьма динамичны, они быстро меняются во времени. Причем, в современных российских условиях наблюдается рост преступности и особенно быстро – рост тяжких и особо тяжких преступлений. Таким образом, изменяется структура преступности. Вследствие этого география преступности исследует как современное состояние, так и динамику явлений во всем их разнообразии, сложности и противоречивости. При этом особое внимание необходимо уделять новым, впервые проявившимся явлениям.

Уголовный кодекс Российской Федерации подразделяет преступления на группы. Например: преступления против личности (убийства и покушения на убийства, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилования и покушения на изнасилование и т.д.), преступления в сфере экономики (кража, грабеж, разбой, преступления в сфере экономической деятельности и т.д.). Таким образом, для отдельных групп преступлений можно получить Суммарные коэффициенты. Например, Суммарный коэффициент преступлений против личности, Суммарный коэффициент преступлений в сфере экономики и т.п. Еще более полную картину дифференциации криминальной ситуации по регионам страны дает нам Синтезирующий коэффициент уровня преступности. С его помощью можно выявить криминально опасные и относительно безопасные регионы. Для этого, с

учетом действующего уголовного законодательства, тяжести наказания и латентности преступлений каждому виду преступлений проставляется определенный балл. Этот балл умножается на коэффициент преступности. Полученное по каждому виду слагается, и искомая сумма в итоге и является Синтезирующим коэффициентом уровня преступности. Баллы проставляются по следующей шкале: убийства – 15; умышленное причинение вреда здоровью и изнасилования – 12; разбои – 10; грабежи – 8; кражи – 5; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков – 8; преступления в сфере экономической деятельности – 5; хулиганство – 3; теракты – 15 баллов.

Суммарный коэффициент преступлений против личности определяется по формуле:

$$СмКл= К_{уб}х15+К_{вз}х12+К_{и}х12 \quad (ф.\ 1),$$

где: СмКл – суммарный коэффициент преступлений против личности; $К_{уб}$ – коэффициент убийств и покушений на убийство; $К_{вз}$ – коэффициент умышленного причинения тяжкого вреда здоровью; $К_{и}$ – коэффициент изнасилований и покушений на изнасилование.

Суммарный коэффициент преступлений в сфере экономики определяется по формуле:

$$СмКэ=К_{р}х10+К_{г}х8+К_{к}х5+К_{эп}х5 \quad (ф.2),$$

где: СмКэ – суммарный коэффициент в сфере экономики; $К_{р}$ – коэффициент разбоев; $К_{г}$ – коэффициент грабежей; $К_{к}$ – коэффициент краж; $К_{эп}$ – коэффициент преступлений в сфере экономической деятельности.

Синтезирующий коэффициент уровня преступности определяется по формуле:

$$СнК= К_{уб}х15+К_{вз}х12+К_{и}х12+ К_{р}х10+К_{г}х8+К_{к}х5+К_{эп}х5+К_{пнон}х8+К_{тер}х15 \quad (ф.\ 3),$$

$$или\ СнК=СмКл+СмКэ+К_{пнон}х8+К_{х}х3+К_{тер}х15 \quad (ф.\ 4),$$

где: СнК – синтезирующий коэффициент уровня преступности, $К_{пнон}$ – коэффициент преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, $К_{х}$ – коэффициент хулиганства, $К_{тер}$ – коэффициент терроризма.

Вполне возможно, что данный подход к определению синтезирующего коэффициента вызовет возражения. Возможно также, что вызовет нарекания само явление синтезирующего коэффициента, возражения вызовет и шкала.

Кроме того, можно исчислить динамику суммарного коэффициента преступлений против личности, суммарного коэффициента преступлений в сфере экономики и синтезирующего коэффициента уровня преступности:

$$\text{ДинСмКл}_{\text{м}} = \frac{\text{СмКлн} + \text{м}}{\text{СмКлн}} \text{ x } 100 \qquad \text{(ф. 5)},$$

$$\text{Дин СмКэ}_{\text{м}} = \frac{\text{СмКэп} + \text{м}}{\text{СмКлн}} \text{ x } 100 \quad \text{(ф. 6)},$$

$$\text{Дин СнК}_{\text{м}} = \frac{\text{СнКн} + \text{м}}{\text{СнКн}} \text{ x } 100 \quad \text{(ф. 7)},$$

где Дин См $\text{Кл}_{\text{м}}$ – динамика суммарного коэффициента преступлений против личности за м-период; $\text{СмКл}_{\text{н}}$ – суммарный коэффициент преступлений против личности в н-ом году; $\text{СмКл}_{\text{н+м}}$ – суммарный коэффициент преступлений против личности в н+м – году; Дин $\text{СмКэ}_{\text{м}}$ – динамика суммарного коэффициента преступлений в сфере экономики; $\text{СмКэ}_{\text{н}}$ – суммарный коэффициент преступлений в сфере экономики в н-ом году; $\text{СмКэ}_{\text{н+м}}$ – суммарный коэффициент преступлений в сфере экономики в н+м – году; Дин $\text{СнК}_{\text{м}}$ – синтезирующий коэффициент уровня преступности в н–ом году; $\text{СнК}_{\text{п+м}}$ – синтезирующий коэффициент уровня преступности в н+м – году.

Помимо этого, необходимо учитывать латентность (скрытость) преступности, уровень которой, по мнению многих специалистов, весьма высок и в пределах Российской Федерации территориально весьма дифференцирован. В мире в целом коэффициент латентности равен 2 (то есть из двух преступлений, регистрируется одно). Российский коэффициент преступности равен 4-5. Для «очистки» официальных данных и получения более объективной картины криминальной ситуации в регионах России отечественные криминологи с недавних пор стали применять как общие коэффициенты латентности преступности (ОКЛП), так и коэффициенты латентности отдельных видов преступлений (убийств и покушений на убийства, причинений тяжкого вреда здоровью, изнасилований и покушений на изнасилования, наркопреступлений, краж и т.д.). Коэффициенты латентности преступлений значительно изменяются как во времени, так и в

пространстве. Также наблюдаются существенные различия в КЛ по отдельным видам преступлений. Так, наименее латентны убийства и причинения тяжкого вреда здоровью. Самыми латентными считаются кражи, взяточничество.

Определение ОКЛП – весьма сложный процесс. ОКЛП – скорее экспертная оценка, полученная как синтез из опубликованных наработок криминологов [6, 9, 10], публикаций в СМИ и опросов экспертов. Сравнительно низкие ОКЛП в регионах Центральной России (2-3,5), с удалением от Центра ОКЛП повышаются: с движением на запад и восток происходит постепенное повышение (до 5-5,5); с движением на юг ОКЛП значительно повышаются. Наиболее высокие коэффициенты латентности наблюдаются в республиках Северного Кавказа (8-10,5). Повышен ОКЛП в Калининградской и Ленинградской областях (6). На фоне пониженного уровня латентности окружающих регионов, несколько повышен ОКЛП в Москве (4).

Таким образом, рассчитав синтезирующий коэффициент преступности и общий коэффициент латентности мы получим коэффициент криминальной безопасности регионов (ККБР):

ККБР= СнК х ОКЛП (ф. 8);

Данные показатели могут ответить на вопрос – какие виды преступности росли в данный период быстрее – экономические или против личности? И, соответственно, спрогнозировать перспективы дальнейшего развития преступности. Синтезирующий коэффициент преступности позволяет обойтись без общего коэффициента преступности, имеющего существенные недостатки, принять во внимание все наиболее значимые виды преступлений с учетом их общественной опасности и, тем самым, более точно ранжировать регионы Российской Федерации, то есть составить рейтинг криминальной безопасности регионов. Рейтинг может рассчитываться за любой период: десятилетие, пятилетие, год, квартал и т.д.

3 Анализ криминальной ситуации в регионах России по отдельным видам преступлений, тенденций развития за 1990-2003 гг.

свидетельствует о значительной территориальной дифференциации явления и существенной обусловленности географическими факторами.

3.1 Совокупность предпосылок и факторов привела к существенной криминализации общества подавляющего большинства регионов Дальнего Востока, Сибири и Урала. В то же время наблюдается тенденция выравнивания уровня преступности в европейской и азиатской частях страны: в Центральной России темпы роста уровня преступности были значительно выше, чем в Сибири и на Дальнем Востоке.

Особняком стоит Северный Кавказ. По мнению большинства исследователей, в ряде республик Юга России исключительно высока доля латентной преступности. В связи с этим, судя по официальным данным, здесь ситуация не только ухудшается (как по всей России), но и значительно улучшается.

В 1990 г. высокий общий коэффициент общей преступности (ОКП) был отмечен в Тыве, Хакасии, Томской области, Приморском и Хабаровском краях. За 1990-2003 гг. самые высокие темпы роста ОКП (более 220%) наблюдались в Ивановской, Костромской, Курской, Орловской и Пермской областях, Хакасии и Москве. Снизился ОКП в регионах Северного Кавказа, Ненецком и Чукотском АО, Тыве. В 2003 г. в группе с очень высоким ОКП (более 28‰) были расположены Еврейская АО, Пермская область, Хабаровский край, Тыва, Курганская область, Хакасия. В группе с очень низким ОКП (менее 10‰) были Ингушетия, Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария и Северная Осетия. Все регионы – представители Северного Кавказа. ОКП Еврейской АО в 1,7 раза превышал среднероссийский показатель и в 9,9 раза – показатель Ингушетии (рис. 4).

В 1990 г. в группе с очень высоким коэффициентом убийств и покушений на убийство ($К_{уб}$, более 0,20‰) были Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия), Иркутская и Кемеровская области, Усть-Ордынский Бурятский АО, а в группе с очень низким $К_{уб}$ – Белгородская и Мурманская области, Москва, Санкт-Петербург, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Башкортостан. Соотношение между минимальным (Москва, 0,049‰) и максимальным (Тыва, 0,495‰) показателями составило 1:10. Это столько же,

сколько и соотношение показателей общего коэффициента преступности в 1990 г.

В 1990-2003 гг. динамика $К_{уб}$ по регионам России отличалась крайней неравномерностью. Так, в группу с очень высокими темпами роста $К_{уб}$ (225% и более) вошли более 20 регионов Центра, Северо-Запада, Урала, Восточной Сибири. В группу с очень низкими темпами роста (менее 150%) вошли Ставропольский край, Алтай, Хакасия, Якутия, Томская и Камчатская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. В Агинском Бурятском АО наблюдалось снижение $К_{уб}$.

В 2003 г. в группе с очень высоким $К_{уб}$ (0,311‰ и более) насчитывалось 19 регионов. Однако самые высокие показатели были зафиксированы в Сахалинской области, Тыве, Чеченской Республике и Корякском АО. В группе с очень низкими $К_{уб}$ были Кабардино-Балкария, Дагестан, Белгородская и Липецкая области, Краснодарский край, г.Москва и Тамбовская область. Соотношение между минимальным и максимальным показателями 1:9,5 (рис. 5).

Если в 1990 г. в группе регионов с очень высоким $К_{уб}$ находились только регионы Сибири и Дальнего Востока, то в 2003 г. к ним присоединились регионы Северо-Запада, Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

Группировка регионов по величине коэффициентов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью ($К_{вз)}$ почти совпадает с группировкой регионов по величине $К_{уб}$. Теперь уже можно говорить о феномене Республики Тыва. Этот регион был в числе «лидеров» по общему коэффициенту преступности и значительно опережал другие регионы по коэффициенту убийств. В 1990 г. в Тыве наблюдался самый высокий коэффициент умышленного нанесения тяжкого вреда здоровью. По этому показателю Тыва опережала ближайших соседей по группе с очень высоким $К_{вз}$ — Иркутскую область и Усть-Ордынский Бурятский АО почти в три раза, а республику с самым низким $К_{вз}$ — Ингушетию — более чем в 20 раз!

Территориальная дифференциация Суммарных коэффициентов против личности за 1990-2003 гг., общих коэффициентов краж и коэффициентов экономической преступности показана на рис. 6-8.

3.2 Наблюдается изменение структуры и географии потребления наркотиков. Если в середине 1990-х гг. до 80% потребления приходилось на производные конопли, то к концу 1990 – началу 2000-х гг. основу потребления составили опиаты, а среди них – ацетилированный опий, изготавливаемый из семян кондитерского мака, в первую очередь, по причине его дешевизны, доступности и простоты изготовления. Быстрыми темпами растет удельный вес потребления героина. Так, если общее число фактов изъятия наркотических веществ за 1995-2002 гг. увеличилось в 2 раза, то марихуаны – в 1,7 раза, а героина – в 271 раз.

При общей тенденции увеличения доли потребления высококонцентрированных «тяжелых» наркотиков, прежде всего, героина и ацетилированного опия, наблюдается некоторая территориальная дифференциация в структуре потребления наркотиков. В крупных городах, в Центре, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в основном потребляют синтетические наркотические вещества и героин. В Поволжье предпочитают героин и марихуану, а на Северном Кавказе – производные конопли, ацетилированный опий, героин.

Весьма велико значение природно-климатических факторов. В регионах выращивания мака наблюдается опиомания, а конопли – гашишизм.

Структура потребления наркотиков весьма сильно зависима от социально-демографического состава населения. Так называемая «продвинутая, золотая» молодежь предпочитает синтетические наркотические вещества, героин, кокаин. Наркоманы «со стажем» потребляют, чаще всего, марихуану, а наркоманы из бедных и средних слоев населения – ацетилированный опий.

Проявляется высокая степень зависимости от уровня социально-экономического развития регионов: в богатых (Москва, ХМАО и др.) предпочитают дорогие наркотики (героин, кокаин) и «синтетику», в бедных (Северный Кавказ) – марихуану, ацетилированный опий.

Существует зависимость и от наркотрафиков: в регионах, находящихся на пути продвижения опиатов, преобладает опиумная зависимость; на Северо-Западе – районе, находящемся на трафике кокаина – кокаинизм.

В течение 1995-2003 гг. в пределах РФ наблюдалась значительная территориальная дифференциация наркопреступлений. Так, в 1995 г. соотношение между крайними показателями достигало 1 к 80. Среди регионов, где наркопреступлений вообще не фиксировалось, либо фиксировалось ничтожно малое число (0,09‰ и менее) – автономные округа, а также Карелия. Среди регионов с очень высоким уровнем наркопреступности (1,00‰ и более) были Калининградская, Ростовская, Новосибирская, Амурская и Сахалинская области, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Бурятия, Тыва, Краснодарский край и Ханты-Мансийский АО. Максимальные показатели были зафиксированы в Тыве (1,59‰) и Сахалинской области (1,36‰).

В 1995-2003 гг. динамика числа наркопреступлений по регионам России отличалась крайней неравномерностью. Так, например, снизилось число зарегистрированных наркопреступлений в Костромской, Курской, Архангельской, Сахалинской и Кировской областях, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Агинском Бурятском АО. В то же время в четыре и более раз увеличилось число наркопреступлений в 18 регионах Центра, Европейского Севера, Поволжья и Западной Сибири. Всего за обозреваемый период уровень наркопреступности снизился только в восьми регионах, в остальных он повысился.

Таким образом, в 2003 г. к числу регионов со сравнительно низким уровнем наркопреступности (0,49‰ и менее) можно было отнести Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Московскую, Орловскую, Тульскую и Кировскую области, Карелию, Мордовию и Чувашию, а также Ненецкий, Эвенкийский, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский, Корякский и Чукотский АО. Среди регионов с очень высоким уровнем наркопреступности (2,2‰ и более) – Астраханская и Амурская области, Ханты-Мансийский АО, Приморский и Хабаровский края, Еврейская АО. Максимальный коэффициент наркопреступности был зафиксирован в Еврейской АО (4,54‰). Соотношение между минимальным и максимальным показателями составило 1:76.

В целом и в 1995, и в 2003 гг. наиболее благоприятная ситуация сложилась в центре европейской части страны, а неблагоприятная – в Сибири и на Дальнем Востоке.

Весьма четко прослеживаются наркотрафики в Россию. Почти 95% героина, поставляемого в Россию, – афганского происхождения. Часть его проходит через Таджикистан, часть – через Узбекистан, часть – через Киргизию, Азербайджан, морским и воздушным путями. Опиаты из Ирана (либо местные, либо афганские) поступают сначала в Азербайджан и далее – либо в Дагестан, либо в Астрахань. Цепочка из Астрахани тянется через Волгоград в Самару и оттуда – по всей Европейской части. Вследствие этого Самара считается главным наркоцентром Европейской части России. Синтетические наркотические вещества попадают в Россию через Санкт-Петербург из Эстонии, Финляндии, Голландии и в Новороссийск из Турции. Значительная часть канабиоидов производится в России. Основные поставщики сырья – Приморский и Хабаровский края, Еврейская АО, Тыва, Хакасия, Алтай, Северный Кавказ. Есть факты поставки с Украины. Кокаин – весьма редкий и дорогой наркотик поступает в Россию из Латинской Америки.

Сопоставление карт коэффициентов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и основных наркотрафиков показывает, что уровень наркопреступности выше в регионах-поставщиках наркотиков, либо в регионах расположенных на наркотрафиках.

3.3 В обозреваемый период произошел всплеск террористической активности, который в наибольшей степени поразил регионы Северного Кавказа и Москву.

По далеко не полным данным за 1995-2006 гг. на территории России было совершено 159 террористических актов. География терактов в России довольно обширна. Однако практически все они были совершены в Европейской части России. В целом (за исключением, разумеется, Москвы) тенденция такова: с удалением от Чеченской Республики число терактов сокращается. На территории пяти субъектов Российской Федерации было совершено ¾ всех террористических актов. Из общего числа терактов 20,1% пришлось на территорию Чеченской Республики, 17,6% – Республику

Дагестан, 11,9% – Республику Ингушетия, 11,3% – Республику Северная Осетия-Алания, 11,3% – Москву. Таким образом, на территории пяти субъектов Российской Федерации было совершено ¾ всех террористических актов. По масштабам и трагичности терактов к этой пятерке приближается Ставропольский край. Как видно, практически все эти регионы, за исключением Москвы, сосредоточены в Южном федеральном округе и имеют границы с Чеченской Республикой.

По нашим данным, максимальное число терактов было совершено в 2004 и 2005 гг. На эти же годы приходятся самые масштабные из них. В 2006 г. наблюдалось снижение числа терактов. Пик терактов пришелся на летние месяцы (38% от общего числа), особенно июль и август. Меньше всего терактов совершалось осенью.

В терактах погибло более 2,7 тыс. чел., из них 26% – в Чеченской Республике, 17,9% – на территории Северной Осетии, 16,2% – в Москве, 13,7% – в Дагестане, 9,0% – в Ставропольском крае и 4,0% – в Ингушетии. Таким образом, на шесть субъектов РФ пришлось 87% убитых в террористических актах. Было ранено более 4 тыс. чел., из них 27,9% – в Республике Северная Осетия-Алания, 18,7% – в Чеченской Республике, 16,8% – в Ставропольском крае, 14,9% – в Москве, 7,8% – в Республике Дагестан, 7,2% – в Ростовской области. На шесть субъектов РФ пришлось 93,4% раненых в террористических актах.

Исходя из числа терактов и их регулярности, регионы России можно подразделить на следующие группы: 1) регионы с терроризмом экстремальной интенсивности, значительным числом убитых и раненых (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Москва, Ставропольский край). В Чечне, Дагестане, Северной Осетии и Москве теракты в обозреваемый период происходили практически ежегодно. В Ингушетии регулярно теракты стали интенсивно проявляться с 2002 г. В Ставропольском крае теракты совершались не регулярно. Однако их последствия весьма трагичны; 2) регионы с терроризмом высокой интенсивности (Кабардино-Балкарская Республика, Московская и Воронежская области); 3) регионы с терроризмом низкой интенсивности (Республика Татарстан, Самарская область,

Карачаево-Черкесская Республика); 4) регионы с терроризмом эпизодического характера (Ростовская, Астраханская, Архангельская, Кировская и Саратовская области, Республика Башкортостан, Республика Коми, Красноярский край).

3.4 Особый интерес представляют исследования территориальной организации уголовно-исполнительной системы России, так как размещение пенитенциарных учреждений по регионам страны оказывает непосредственное влияние не только на уровень преступности, но и на общественную обстановку в целом. В истории формирования и развития пенитенциарной системы России можно выделить несколько этапов: дореволюционный этап формирования и развития системы – строительство тюрем, ссыльных поселений и колоний; первый советский этап (1917-1953 гг.) – массовое строительство лагерей, увеличение численности заключенных, формирование ГУЛАГа; второй советский этап (1953-1991 гг.) – значительное сокращение численности заключенных, продвижение колоний на север и восток; постсоветский этап (с 1992 г.) – модернизация системы, сокращение наполняемости СИЗО, переполненность колоний строгого и особого режима.

В настоящее время наблюдаются значительные изменения в социально-демографической структуре заключенных. Увеличивается удельный вес женщин в общем числе заключенных. Это связано с ростом числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и экономических преступлений, в которых высока доля женщин. Широкое применение альтернативных методов наказания для незначительных преступлений привело к тому, что в колониях и тюрьмах концентрируются наиболее криминально-опасные контингенты преступников. Этому способствовало также введение моратория на смертную казнь. Так, например, 25% осужденных женщин-несовершеннолетних отбывают свой срок за убийство.

Наблюдается крайне неравномерное распределение учреждений пенитенциарной системы по территории России. Наибольшее число мест лишения свободы сосредоточено в Сибири и в Центре. Из субъектов Российской Федерации наибольшее число учреждений размещено в

Пермской области (51), по 47 объектов находятся в Свердловской области и Красноярском крае. Ни одного учреждения не имеется в Республике Ингушетия, Ненецком, Эвенкийском, Агинском Бурятском, Корякском и Чукотском АО. Самое большое число заключенных содержится в УПС Красноярского края (33,3 тыс. чел.), в Кемеровской (29,9 тыс.) и Челябинской (27,1 тыс.) областях.

Наибольшая густота УПС (на 10 тыс. кв. км) наблюдается в Москве, Санкт-Петербурге, Адыгее, Мордовии, Чувашии, Ивановской, Липецкой и Тульской областях. Несколько иная картина получается при анализе числа УПС в расчете на 1 млн. чел. По этому показателю в 2005 г. лидировали Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Республика Коми, Республика Мордовия, Магаданская область, Усть-Ордынский (Бурятский) АО. Большинство из этих регионов – сравнительно крупные по территории, но с небольшой численностью населения и, соответственно, низкой плотностью населения. Самое низкое число УПС в расчете на 1 млн. чел. было зафиксировано в Москве и Санкт-Петербурге – субъектах РФ прямо противоположного свойства.

Следовательно, учреждения уголовно-исполнительной системы размещены по территории страны крайне неравномерно. Наряду с регионами с повышенной густотой УПС, есть регионы, в которых учреждения вовсе отсутствуют. Другое важнейшее направление оптимизации территориальной организации уголовно-исполнительной системы – вывод учреждений из районов с экстремальными климатическими условиями.

К первостепенным задачам можно отнести также реконструкцию пенитенциарных учреждений: снос ветхих и аварийных зданий и сооружений и строительство новых.

3.5 Одним из важнейших моментов настоящей работы является исчисление синтезирующего коэффициента преступности (СнК) и степени криминальной безопасности регионов. Синтезирующий коэффициент преступности позволяет обойтись без общего коэффициента преступности, имеющего существенные недостатки, принять во внимание все наиболее значимые виды преступлений с учетом их общественной опасности. Рассчитав СнК и ОКЛП, мы получили рейтинг криминальной

безопасности регионов России за 1990-2003 гг., который можно рассчитать за любой период: десятилетие, пятилетие, год, квартал и т.д. Этот рейтинг существенно отличается от показателей общего коэффициента преступности. Так, в первой двадцатке рейтинга (самые «спокойные» регионы) в подавляющем большинстве представлены регионы Центральной России, лишь на 17-м месте представитель Дальнего Востока – Корякский АО, на 20-м – представитель Северного Кавказа – Кабардино-Балкария. В группу самых криминально-безопасных регионов вошли Пензенская, Рязанская, Белгородская, Тамбовская и Калужская области.

В группе регионов с худшими показателями большинство – представители Дальнего Востока и Сибири. Кроме них в этой группе представители Северного Кавказа (Дагестан – 88-е место, Чечня – 84-е, Ингушетия – 78-е, Северная Осетия – 72-73-е), Севера и Северо-Запада (Калининградская область – 83-е место, Коми – 74-е, Ленинградская область – 72-73-е) и Урала (Пермская область – 81-е место). В пятерке самых криминально-опасных регионов – Тыва, Дагестан, Хабаровский край, Еврейская АО, Хакасия.

Азиатская часть России значительно превышает европейскую по уровню преступности. Самая неблагоприятная ситуация сложилась на Дальнем Востоке.

В семерке наиболее благополучных регионов – три представителя Центрального района и по два представителя Северного Кавказа и Поволжья. В семерке наиболее опасных регионов по три представителя Сибири и Дальнего Востока и один представитель Урала.

Несмотря на то, что в восточной части России терактов практически не было, сохранилась тенденция повышения СнК при движении с запада на восток. В группе наиболее опасных для проживания населения регионов только Пермская область находится в Европейской части России. Следующая криминально-опасная европейская область – Ярославская – находится на 73-ем месте рейтинга. Самый благополучный из азиатских регионов – Корякский АО – находится только на 22-м месте рейтинга.

Самый благополучный регион России в нашем рейтинге – Пензенская область не выделялась среди других субъектов в ходе рассмотрения отдельных видов преступлений. Однако, благодаря гармоничному сочетанию всех видов криминально-опасных деяний (если возможно такое словосочетание) и отсутствию терактов, Пензенская область в итоге стала лучшей по показателю СнК.

Геокриминологической положение регионов с высокой степенью криминальной опасности необходимо признать весьма сложным. За исключением Пермской области, во всех регионах крайне тяжелая ситуация с наркопреступлениями. Через те же регионы проходят крупные наркотрафики. Пять регионов (за исключением Пермской и Иркутской областей) являются крупными поставщиками наркотиков. Во всех семи регионах расположено весьма значительное число учреждений пенитенциарной системы, совокупная вместимость которых намного превышает потребности самих регионов. Характер экономики во многом криминогенен, особенно это касается Пермской и Иркутской областей, Хабаровского и Приморского краев, Тывы и Еврейской АО. В Тыве, Хакасии и Еврейской АО очень высокий уровень безработицы. Во всех семи регионах природные условия и ресурсы достаточно криминогенны. В большинстве регионов (за исключением, пожалуй, Пермской и Еврейской областей) достаточно высокий уровень этнической миграции. Таким образом, практически все вышеперечисленные факторы способствовали значительному ухудшению криминальной ситуации в этих регионах.

Самым криминально-опасным регионом не только Восточной Сибири, но и всей России является Республика Тыва. Исключительно высокий уровень преступности в регионе обусловлен несколькими факторами. Один из них – образ жизни местного населения, значительная часть которого до сих пор ведет кочевой или полукочевой образ жизни. Часть населения региона в советское время была оторвана от привычного образа жизни, религиозных верований. Однако взамен не получила практически ничего. Другой важнейший фактор – низкий уровень развития экономики. С 305 тыс. жителей республика практически изолирована от других регионов страны. Безработица охватывает свыше половины взрослого населения. В Тыве нет крупных предприятий. По сути, регион живет за счет федеральных дотаций,

составляющих более 80% расходной части бюджета республики. Тыва находится на последнем месте среди российских территорий по уровню жизни. В то же время Тыва – один из богатейших сибирских регионов по запасам полезных ископаемых. Однако практическое отсутствие связи с внешним миром тормозит разработку месторождений. Помимо этого Тыва является одним из главных поставщиков наркотиков в Россию – каннабиоидов. Отсюда высокий уровень преступности, связанный с незаконным оборотом наркотиков, высокий уровень наркотизации населения (третье место в России). Это обстоятельство способствует распространению других видов преступлений, особенно краж, грабежей, разбоев, преступлений против личности. Планирующаяся железная дорога Кызыл-Курганино поможет коренным образом изменить ситуацию.

В соседнем регионе – Хакасии – в общем схожие проблемы. Однако здесь экономическая ситуация намного лучше, выше доходы населения, ниже уровень безработицы.

Иркутская область – пример прямо противоположного свойства. Сравнительно высокий уровень развития экономики способствовал выдвижению региона в экономические лидеры Прибайкалья. Эта область – своего рода «лакомый кусочек» для организованной преступности. Крупные высокотехнологичные предприятия не один раз становились объектом борьбы между различными преступными группировками. Особенно привлекательными являются лесные ресурсы.

У Хабаровского и Приморского краев, а также Еврейской АО, наряду с высокими суммарными коэффициентами преступлений против личности и преступлений в сфере экономики, очень высокие коэффициенты преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Еврейская область – вообще безусловный лидер по наркопреступлениям в стране. Эта область стала заложником собственных природных условий – здесь прекрасно растет конопля – исходное сырье для наркотиков. Наркопреступления, в свою очередь, «тянут» за собой другие виды противоправных деяний. Все три региона находятся на крупных наркотрафиках различных наркотических веществ.

Магаданская область, Хабаровский и Приморский края – приграничные, имеют протяженные морские границы. Это обстоятельство способствует развитию контрабанды в весьма значительных масштабах, незаконному морскому промыслу. Кроме того, оба края находятся на путях миграционных потоков. В них получила распространение так называемая этническая преступность.

Амурской области пока справляются с означенными проблемами, но и здесь широкое распространение получили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. В связи с этим в области в ближайшее время возможен рост других видов преступлений.

Пермская область в течение всего обозреваемого периода характеризовалась высокими показателями уровня преступности. Это – европейский криминальный лидер в России. Причем, Пермская область лидирует как по показателю Суммарного коэффициента преступлений против личности, так и по показателю Суммарного коэффициента экономических преступлений. В то же время в регионе сравнительно низкий коэффициент преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Более подробное рассмотрение структуры преступности Пермской области показывает, что в регионе сравнительно высокие коэффициенты убийств и покушений на убийства, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, изнасилований и покушений на изнасилования, грабежей, разбоев и краж; несколько ниже среднероссийских коэффициенты преступлений в сфере экономической деятельности. Столь своеобразная структура преступности связана с особенностями развития пенитенциарной системы региона. Область занимает первое место в России по числу пенитенциарных учреждений. Ускоренное развитие химической и лесной промышленности региона потребовало значительное число рабочих рук. Эта проблема была решена за счет так называемых «вольнопоселенцев» – людей, совершивших преступление, но живущих сравнительно свободно под надзором соответствующих органов. Среди данной категории лиц уровень преступности выше, чем среди обычных граждан. Часто проявляется рецидивная преступность. Таким образом, сопряженное развитие промышленности и

пенитенциарной системы (в данном случае – недостаточно продуманное) привело к резкому повышению преступности в регионе.

Криминальный «лидер» Северо-Запада – Республика Коми – имеет один из самых высоких в европейской части страны Суммарный коэффициент преступлений против личности. При этом в республике весьма высокие коэффициенты убийств и покушений на убийства, коэффициенты причинений тяжкого вреда здоровью и коэффициенты изнасилований и покушений на изнасилования. Республика лидирует в округе и по показателю Суммарного коэффициента экономических преступлений, в том числе коэффициентам преступлений в сфере экономики. По коэффициентам преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, Республика Коми уступает только Калининградской области, находящейся на крупном наркотрафике. Проблемы республики во многом обусловлены тем, что на ее территории сосредоточено 36 учреждений уголовно-исполнительной системы (четвертое место в России и второе в европейской части страны). По числу УПС на 1 млн. населения республика занимает первое место в РФ. Столь значительная концентрация зон в регионе самым негативным образом сказывается на криминальной ситуации.

Геокриминогенное положение криминально-безопасных регионов сравнительно благоприятно. В областях сравнительно низкий уровень наркопреступности, они не являются поставщиками наркотиков и наркотрафики через них не проходят. Число учреждений ФСИН колеблется от 6 до 10. Это значительно меньше среднероссийского уровня. Области достаточно близки по многим показателям: площади, численности и плотности населения, доле городского населения и другим. Регионы достаточно компактны. Своей более чем полумиллионной численностью населения выделяется Пенза, а Белгород и Орел по людности – почти близнецы. Экономическая ситуация достаточно стабильна. Уровень безработицы ниже среднероссийского показателя. Беженцев и вынужденных переселенцев практически нет. Нет и криминогенных природных ресурсов.

Следовательно, во всех областях практически отсутствуют факторы, направленные на ухудшение криминальной ситуации. Стабилизации

последней способствует и целенаправленная работа правоохранительных органов данных регионов.

Сложившиеся в пределах России геокриминологические различия позволяют выделить территориальные типы, которые отличаются уровнем и динамикой преступности, структурой противоправных деяний, геокриминогенным положением и пенитенциарной загруженностью.

Например, по этим критериям можно выделить: 1) регионы со сложным геокриминогенным положением, значительной степенью пенитенциарной загруженности, высоким уровнем и темпами роста преступности, преобладанием преступлений против личности и наркопреступлений (Тыва, Хакасия, Еврейская АО); 2) регионы со сложным геокриминогенным положением, значительной степенью пенитенциарной нагруженности, высокими уровнем и темпами роста преступности, преобладанием преступлений корыстно-насильственной направленности и наркопреступлений (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область); 3) регионы со сложным геокриминогенным положением, весьма значительной степенью пенитенцирной загруженности, очень высокими уровнем и темпами роста преступности, преобладанием преступлений корыстно-насильственной направленности (Пермская область).

Проведенная типология позволяет определить основные направления антикриминальной деятельности в регионах, выработать стратегию и тактику борьбы с преступностью.

3.6 Объяснение сложившейся ситуации может быть получено с помощью теории Геокриминальных зон, которая предполагает, что территория состоит из следующих составляющих: геокриминальная аномалия, буферная зона, зона криминального спокойствия (рис. 1).

Рис. 1. Геокриминальные зоны.
А - геокриминальная аномалия;
Б – буферная зона;
С – зона криминального спокойствия.

Рис. 2. Круговая полицентрическая и линейная ГКЗ

Геокриминальная аномалия – район с повышенным уровнем преступности на фоне окружающей территории. Буферная зона – район со среднерегиональным уровнем преступности. Зона криминального спокойствия – район с пониженным уровнем преступности.

Каждая геокриминальная зона характеризуется следующими показателями: уровень преступности (общий коэффициент преступности, синтезирующий коэффициент преступности); динамика уровня преступности (динамика общего коэффициента преступности, динамика синтезирующего коэффициента преступности); структура преступности (доля отдельных видов преступности в общем числе преступлений, совершенных за год; преобладающие виды преступности; основные сферы экономики, привлекающие криминал, охват криминалом отраслей экономики и социальной сферы); территориальная дифференциация преступности (различия в уровне преступности внутри зон, зависимость уровня преступности от системы расселения и размещения предприятий и организаций); связи криминальных элементов (внутризональные и межзональные связи, география незаконных поставок).

Типологию геокриминальных зон предлагается проводить по двум основным направлениям: 1) степени влияния криминала на социально-экономическую ситуацию в зоне; 2) преобладающим видам преступности. Первое направление предполагает типизацию геокриминальных зон по следующей шкале: очень высокая доля подпольного бизнеса в экономике зоны (свыше 75%), высокая доля (60-74%), средняя доля (45-59%) и низкая доля (менее 45%). Второе направление подразумевает определение типа зоны по основным видам преступной деятельности. Так, например, если в зоне преобладает незаконный оборот наркотиков, ее можно типизировать как наркопреступную. Если в зоне преступный мир принимает активное участие в экономической деятельности – зона определяется как криминально-экономическая. Существенным моментом является конкретизация преступной деятельности: сферу экономической деятельности можно конкретизировать как перерабатывающую (например, производство алкогольной продукции), добывающую (например, добыча золота, алмазов, нефти, вылов рыбы и т.п.) и другие. Возможны комбинированные варианты.

Таким образом, одним из ключевых моментов является выделение криминологических типов геокриминальных зон – определение сфер влияния преступных элементов, их предпочтения. Типология геокриминальных зон помогает прогнозировать перспективы их дальнейшего развития и, соответственно, определить меры регулирования криминальных процессов, их предупреждения и локализации. Существенный момент типологии – определение влияния различного рода социально-демографических элементов на уровень преступности в зоне.

Геокриминальные зоны (ГКЗ) могут быть самого различного таксономического ранга и уровня. Так, они могут охватывать сразу несколько регионов, могут располагаться в пределах одного региона. При этом (как известно) площадь субъектов Российской Федерации варьирует от 3103,2 тыс. кв. км (Республика Саха (Якутия) до 3,4 тыс. кв. км (Республика Ингушетия). Несколько ГКЗ может располагаться в пределах одного региона.

ГКЗ бывают не только моноцентрическими (рис. 1), но и полицентрическими (рис. 2) – с двумя, тремя ядрами и более. Конфигурация ГКЗ может быть самой разнообразной и не всегда совпадать с границами поселений, административных районов, областей, краев, республик. Как правило, преобладают круговые, линейные и неправильной формы ГКЗ (рис. 1, 2).

Конфигурация ГКЗ зависит от географического положения, форм расселения и масштаба исследований. Так, круговые ГКЗ присущи, как правило, отдельным поселениям – от мелких сел до крупных городов. Линейные ГКЗ располагаются на крупных транспортных магистралях, по берегам рек, морей и т.д. ГКЗ неправильной формы – это, как правило, административные единицы – муниципальные образования, сельские районы, городские округа, республики, края, области.

Довольно широко распространены ацентрические геокриминальные зоны. Это происходит в том случае, если уровень преступности в административном центре региона ниже, чем в других поселениях республики, области и т.п. Примерами таких зон могут служить ряд областей Центрального и Приволжского ФО, в которых уровень преступности

областного центра стабильно ниже, чем в целом по области (Владимирская, Самарская и др.).

Полицентрические геокриминальные зоны весьма часто встречаются в приграничных регионах. Особенно в Сибирском ФО. Здесь ГКЗ имеют довольно сложную конфигурацию: геокриминальные аномалии расположены в центрах регионов и вдоль государственных границ (Читинская область, Республика Тыва, Еврейская АО и др.).

Рис. 3. Читинская ГКЗ

Важнейший показатель геокриминальной зоны – динамика уровня преступности. Необходимое условие для выявления данного показателя – наблюдение, как минимум, в течение 5, 10 и более лет. По динамике уровня преступности ГКЗ можно типизировать как стабильные (уровень преступности практически не изменяется), слабеющие (уровень преступности снижается) и усиливающиеся (уровень преступности повышается).

Примерами ГКЗ низшего уровня могут являться: Черменская наркопреступная круговая усиливающаяся в Республике Северная Осетия-Алания и Усть-Лабинская пенитенциарная линейная стабильная в Краснодарском крае. Примером ГКЗ среднего уровня является Владикавказская приграничнo-промышленная круговая стабильная в РСО-А и Туапсинская приграничнo-промышленно-транспортная линейная стабильная в Краснодарском крае. Примером ГКЗ высшего уровня может служить Читинская областная лесопромышленно-приграничная линейная стабильная.

Таким образом, каждая геокриминальная зона типизируется по следующим признакам: динамика уровня преступности, специализация

хозяйства, преобладающие виды преступности, конфигурация зоны, масштаб.

Таблица – Типы геокриминальных зон

№	Регион, район, поселение	Специализация	Конфигурация	Динамика уровня преступности	Масштаб, тип поселений	Примечания (наиболее криминализованные области)
1	Московская	полифункциональная	круговая моноцентрическая	усиливающаяся	городская	земля; строительство; рынки
2	Московская	промышленно-транспортная	круговая полицентрическая	стабильная	областная	земля; строительство; транспорт
3	Владикавказская	приграничнo-промышленная	круговая моноцентрическая	стабильная	городская	алкогольная промышленность; транспорт; приграничная зона
4	Северо-Осетинская	промышленно-транспортная	полицентрическая неправильной формы	стабильная	областная	алкогольная промышленность; транспорт; приграничная зона
5	Читинская	лесопромышленно-приграничная	линейная полицентрическая	стабильная	областная	лесная промышленность; приграничная зона
6	Туапсинская	приграничнo-промышленно-транспортная	линейная моноцентрическая	стабильная	городская	нефть; приграничная зона, курортное хозяйство
7	Самарская	промышленно-транспортная	ацентрическая линейная	усиливающаяся	областная	автомобильная промышленность; наркопреступность; транспорт; строительство
8	Тувинская	агропромышленно-приграничная	полицентрическая неправильной формы	усиливающаяся	областная	приграничная зона; наркопреступность

Продолжение таблицы

№	Регион, район, поселение	Специализация	Конфигурация	Динамика уровня преступности	Масштаб, тип поселений	Примечания (наиболее криминализованные области)
9	Черменская (РСО-А)	агропромышленная	круговая	усиливающаяся	сельская	наркопреступность
10	Усть-Лабинская (Краснодарский край)	агропромышленно-пенитенциарная	линейная моноцентрическая	стабильная	городская	земля; пенитенциарная система; сельское хозяйство
11	Пермская	промышленно-пенитенциарная	полицентрическая неправильной формы	усиливающаяся	областная	химическая промышленность; пенитенциарная система; строительство; земля

3.7 Наблюдается высокая степень корреляционной зависимости между: а) коэффициентами убийств и Синтезирующими коэффициентами преступлений; б) коэффициентами наркопреступлений и Синтезирующими коэффициентами преступлений; в) плотностью пенитенциарных учреждений и Синтезирующими коэффициентами преступлений.

В части корреляционной зависимости между $К_{уб\ и}$ СнК на графике отчетливо видно, что в регионах с высокими коэффициентами убийств и покушений на убийство весьма высокие Синтезирующие коэффициенты преступлений. Исключение составляют Чеченская Республика, Корякский и Коми-Пермяцкий АО. В последних при очень высоких коэффициентах убийств и покушений на убийство, сравнительно низкие показатели Синтезирующих коэффициентов. Примеров противоположного свойства обнаружено не было.

Почти аналогичная ситуация наблюдается с зависимостью между коэффициентами преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и Синтезирующими коэффициентами преступлений. Здесь также имеется свое исключение – Краснодарский край, в котором, при

сравнительно низком значении СнК, сравнительно высокий коэффициент наркопреступлений. Однако это скорее сигнал опасности, а не исключение. Как уже отмечалось выше, наркопреступления выступают не только как один из видов противоправных деяний, но и как криминогенный фактор. Таким образом, существует достаточно реальная опасность резкого повышения общей преступности в крае (особенно корыстно-насильственного характера).

В то же время непосредственной связи между коэффициентами убийств и коэффициентами наркопреступлений обнаружено не было: наркоманы сравнительно редко идут на убийства, для них характерны различные виды насилия, а опиоманы вообще не склонны к насилию.

Повышенные значения Синтезирующих коэффициентов наблюдаются в регионах с высокой плотностью пенитенциарных учреждений.

4 Одной из важнейших задач настоящей работы является выработка практических рекомендаций, реализация которых позволит приостановить рост преступности, а затем и снизить число противоправных деяний.

По нашим расчетам, при существующем положении дел дальнейший ежегодный прирост числа преступлений в стране может составлять 5-6% в год. При снижении доли латентных преступлений, доведения их доли до среднемировых 50%, рост преступлений в России может составить 12-15% в год. Однако уже в настоящее время преступность представляет реальную угрозу дальнейшему социально-экономическому развитию страны. Таким образом, **в современных условиях дальнейшее социально-экономическое развитие России невозможно без коренного улучшения криминальной обстановки. Стабилизация, а затем и значительное снижение уровня преступности должны стать одним из важнейших направлений государственной политики. Борьбе с криминалом необходимо придать статус национального проекта.**

Анализ существующего положения дел показывает, что даже в условиях минимизации затрат на правоохранительную деятельность можно добиться реальных результатов в борьбе с преступностью, оптимизируя работу милиции, прокуратуры и др.

В борьбе с преступностью государство и общество приняли оборонительную тактику, фиксируя (далеко не всегда) действия криминала, а не предупреждая их. Между тем опыт таких государств, как Швейцария, Япония, Сингапур, Коста-Рика и др. показывает, что именно наступательная политика государства и общества в сфере борьбы с преступностью способна привести к реальному изменению криминальной обстановки в кратчайшие сроки.

В настоящее время можно выделить ряд основных направлений борьбы с преступностью, на которые необходимо обратить особое внимание. Среди них проблемы терроризма и экстремизма; наркопреступности; детской преступности и преступлений в отношении несовершеннолетних; проявлений коррупции.

Поскольку анализ криминальной ситуации в регионах России свидетельствует о значительной территориальной дифференциации явления и существенной обусловленности географическими факторами, необходим индивидуальный подход к решению криминальных проблем в каждом регионе. Так, например, в Республике Тыва и Еврейской АО необходимо решать комплекс проблем по профилактике тяжких и особо тяжких преступлений (в т. ч. убийств), вести широкомасштабную борьбу с наркопреступностью. Важнейшая проблема ряда северокавказских республик – наличие бандформирований. **Решение криминальных проблем в вышеозначенных регионах достигается, во многом, через рост уровня жизни населения, повышение его занятости.**

В Санкт-Петербурге, Москве и Московской области, в регионах Юга России важнейшая проблема – экономическая преступность, в т. ч. коррупция.

Несмотря на то, что именно предупреждение преступных деяний является наиболее эффективным способом борьбы с криминалом, государство все далее и далее отходит от этого направления деятельности. Яркий пример тому – отмена института административного надзора. В связи с этим эффективная система пенитенциарного контроля за лицами, отбывшими наказание за особо тяжкие и рецидивные преступления в настоящее время отсутствует. Это способствует быстрому росту повторных

преступлений. Таким образом, **важнейшим направлением борьбы с преступностью является восстановление в полном объеме института административного надзора. Особое внимание необходимо уделить Пермскому и Красноярскому краям, Мордовии, Коми, Свердловской области – регионам, в которых больше всего оседают отбывшие наказания.**

В сфере борьбы с криминалом наблюдается явная разобщенность между различными ветвями правоохранительных органов. Особенно это проявляется в противостоянии с наркопреступностью. Сложившаяся к настоящему времени ситуация, когда в противодействии незаконному обороту наркотиков участвуют несколько правоохранительных органов, не привела к росту результативности борьбы с этим противоправным деянием. Следовательно, одной из основных задач настоящего времени является **комплексное использование всех сил и средств правоохранительных органов. Формирование, по примеру национального антитеррористического комитета, координирующего органа.**

Одним из наиболее слабых звеньев правоохранительных органов, особенно их среднего и низшего звена, является низкая информационная обеспеченность. Рядовой и низший офицерский состав милиции слабо информирован о новейших достижениях в сфере борьбы с преступностью. Особенно это касается регионов. Следовательно, другая важнейшая задача – **оптимизация информационной обеспеченности всех звеньев правоохранительных органов.**

С этой задачей самым непосредственным образом перекликается проблема латентности преступлений. Несмотря на некоторые достигнутые успехи в этой сфере, существует ряд проблем, без разрешения которых практически невозможна дальнейшая борьба с криминалом. Сохраняющаяся практика управляемости (регулируемости) учетно-регистрационных процессов при рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях привела к тому, что истинное число преступлений в России занижено в 4-5 раз. При этом наблюдаются существенные территориальные различия в латентности преступности. Самый высокий уровень латентной преступности наблюдается в регионах Северного Кавказа, особенно в Ингушетии, Чечне,

Дагестане. Наименее латентны регионы Центральной России, автономные округа. **Кардинальное снижение уровня латентной преступности позволит значительно улучшить результативность работы правоохранительных органов.**

Работу органов правопорядка существенно затрудняет либерализация ряда положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Так, например, осложнена процедура привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В этом же ряду искажение числа убийств из-за недоработок в законодательстве. Так, например, умышленное убийство двух и более человек регистрируется как одно преступление при отягчающих обстоятельствах.

В других странах подходы иные: убийства регистрируются по жертвам: (одна жертва – одно убийство, несколько жертв – несколько убийств). Требуют коррекции и временные рамки преступления. Согласно действующему УК РФ, если смерть наступила позже нападения, то такое деяние квалифицируется как тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего. Здесь же весьма загадочная (по нашему мнению) статья о преступлениях, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и т.д. Множество вопросов возникает и в отношении без вести пропавших. Вышеуказанные нестыковки существенно искажают реальную картину числа убийств в России и, как показывает практика, помогают избежать наказания преступникам. Давно назрела необходимость ужесточения наказаний в отношении лиц, совершающих преступления против несовершеннолетних и наркопреступников. **Таким образом, современные российские реалии требуют дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.**

Не соответствует современным требованиям территориальная организация пенитенциарной системы (ФСИН). В советский период, когда было организовано подавляющее большинство существующих к настоящему времени учреждений ФСИН, учитывались только потребности народного хозяйства. В связи с этим в России возникла их чудовищная территориальная диспропорция. Ряд регионов явно перегружен пенитенциарными

учреждениями (Пермский край, Мордовия, Коми, Адыгея, Красноярский край, Свердловская область), ряд других не имеет их вообще, нет в них и региональных отделов Федеральной службы исполнения наказаний (Ингушетия, автономные округа). Еще более пестрая картина наблюдается на микроуровне. Так, Княжпогостский район в Республике Коми концентрирует 11 учреждений, а Удорский – 8; Тайшетский – 7 и Нижнеингалинский – 6 в Красноярском крае; Усть-Лабинский – 6 в Краснодарском крае; Тавдинский – 7 в Свердловской области; Чердынский – 18 в Пермском крае; Зубово-Полянский – 15 в Мордовии; Верхнекамский – 11 в Кировской области. В сравнительно небольших поселениях: Соликамске 6 учреждений, Нижнем Тагиле – 6, Ухте – 4, Тавде – 4, пос. Двубратском Краснодарского края – 5. Высокая плотность пенитенциарных учреждений крайне негативно сказывается на криминальной обстановке субъектов РФ, административных районов и поселений. Многие из них морально и физически устарели. В настоящее время **назрела необходимость в территориальном перераспределении мест лишения свободы с учетом потребностей регионов, климатических и иных условий.** Главная цель – разгрузить ряд пенитенциарно-перегруженных регионов, а также организовать региональные отделения и учреждения Федеральной службы исполнения наказаний в Ингушетии и ряде автономных округов.

Анализ криминальной ситуации в стране выявил высокую степень территориальной дифференциации уровня преступности по регионам России. В число наиболее криминально-опасных регионов вошли: Республика Тыва, Хабаровский край, Еврейская АО, Республика Хакасия, Приморский край, Пермская и Иркутская области. Именно эти регионы (как и ряд других) требуют к себе повышенного внимания правоохранительных органов. Тем более что с улучшением ситуации на Северном Кавказе появилась возможность возвратить контингенты милиции в регионы их постоянной дислокации (с 1991 г. широкое распространение приняла практика прикомандирования частей милиции из различных регионов России на Северный Кавказ – в Чеченскую Республику, зону осетино-ингушского конфликта и др.) и значительно улучшить криминальную ситуацию в последних. **Распределение сил и средств правоохранительных органов**

должно производиться с учетом уровня преступности в регионах, структуры и тяжести преступлений, различных криминогенных факторов. С целью предотвращения злоупотреблений в органах правопорядка необходимо усиление контроля со стороны общественности, разработка новых показателей, объективно выявляющих действенность правоохранительных органов.

Особое внимание необходимо уделить наркопреступности. Наши исследования показали не только высокую степень корреляционной зависимости между коэффициентами наркопреступлений и уровнем общей преступности (синтезирующим коэффициентом), но и последующий рост общей преступности в регионах с высоким уровнем наркопреступлений (временной лаг 4-5 лет). Таким образом, наркопреступность выступает не только как один из видов преступлений, но и как важнейший криминогенный фактор. **Существенное снижение уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, перекрытие наркотрафиков являются важнейшей задачей правоохранительных органов.**

Особняком стоит проблема беспризорных и безнадзорных детей. Именно этот контингент является наиболее вовлекаемым в деятельность организованных преступных групп. При этом организаторы преступлений остаются вне поля деятельности правоохранительных органов. По статистике почти две трети всех групповых грабежей, краж и разбоев совершается при участии несовершеннолетних. Особую тревогу вызывает рост числа неформальных молодежных объединений экстремистской и националистической направленности. К 2006 г. наибольшее число таких групп сформировалось в Воронежской области – 25, Москве – 13, Санкт-Петербурге и Ленинградской области – 11, Новгородской области – 8, Краснодарском крае, Свердловской и Орловской областях – по 6. Таким образом, **необходима коррекция государственной политики в сторону развития в ней социальной составляющей; усовершенствование правовой основы Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (последняя была разработана в 1964 г. и потому безнадежно устарела).**

Использование программы Excel (так называемые «тренды») позволяет спрогнозировать, что наиболее высокие темпы роста уровня преступности за период до 2015 г. будут наблюдаться в Пермском крае, Еврейской АО, Амурской и Самарской областях, Забайкальском крае, Коми, Ингушетии и некоторых других. **Видимо, именно на эти регионы необходимо обратить особое внимание.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Огромная территория России, различия природных и социально-экономических условий, существенная территориальная дифференциация уровня и динамики преступности, предопределенная криминогенными факторами, ведущая роль географического положения, значительные различия в пенитенциарной нагруженности регионов, локализация террористических актов, организация криминальных группировок по территориальному принципу, выраженная географичность наркопреступности, опыт зарубежных стран и т.д. подчеркивают крайнюю необходимость развития географии преступности (геокриминологии). Особую актуальность приобретает выработка теоретических положений географии преступности.

Как представляется, определение условий жизни населения невозможно без учета показателей степени криминальной безопасности. Данное утверждение основывается на том, что уровень преступности в нашей стране растет исключительно высокими темпами, она уже охватывает многие стороны жизнедеятельности законопослушных граждан страны.

Опыт изучения преступности показывает, что при определении стратегии и тактики противодействия криминалу необходимы разномасштабные исследования, которые возможны лишь с применением географических методов.

Настоящее исследование показало необходимость внедрения географических методов исследований в изучение преступности, поскольку именно география обладает набором инструментов позволяющих выявить взаимосвязи между географическими условиями, уровнем, характером и закономерностями изменения преступности.

Одним из важнейших итогов выполненной работы как в теоретическом, так и в практическом плане является целостное представление о развитии преступности и ее факторах, которое позволяет анализировать геокриминальные процессы происходящие в обществе и взаимоувязывать их с региональными особенностями.

В работе выявлен устойчивый тренд с запада на восток: с движением в этом направлении уровень преступности постепенно повышается. Географической основой данного тренда являются геокриминогенное положение, а также природные и социально-экономические условия.

Проведенная в работе геокриминальная типология позволяет определить основные направления антикриминальной деятельности в регионах, выработать стратегию и тактику борьбы с преступностью.

Существенным результатом диссертационного исследования является серия карт, созданная в разных масштабах и позволившая выявить динамику и географическую выраженность криминальных процессов. Эта серия практически готова для издания атласа «Преступность в России».

Проведенное комплексное исследование преступности в России может рассматриваться как исходная база систематического мониторинга развития криминальной ситуации в стране, а разработанные показатели дают возможность рассчитывать ежегодные рейтинги криминальной напряженности регионов.

Таким образом, отечественная география должна соответствующим образом ответить на вызовы времени и существенно расширить исследования такого важного аспекта жизнедеятельности, как преступность.

Защищаемые положения и выводы отражены в следующих основных публикациях автора (выделены публикации в журналах из списка ВАК РФ):

1. Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период: Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 333 с.
2. **Бадов А.Д. География наркопреступности в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 5. География. 2008. № 3. стр. 55-59.**
3. **Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Урбанизация и проблемы преступности // Экология урбанизированных территорий. № 4. 2008. С. 26-29.**

4. **Макоев Х.Х., Бадов А.Д. Социально-экономические и экологические проблемы горных территорий Северной Осетии // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. 2008. Том 10. № 2. С. 132-140.**
5. **Бадов А.Д. Геокриминогенное положение как фактор преступности // Известия Российской академии наук. Серия Географическая. 2009. № 2. С. 48-51.**
6. **Бадов А.Д. География преступности в России: изменения в постсоветский период //Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2009. № 2. С. 64-69.**
7. **Бадов А.Д. География пенитенциарной системы России и ее влияние на уровень преступности // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. 2009. Том 11. № 1. С. 130-133.**
8. **Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Региональные особенности преступности на Северном Кавказе в постсоветский период // Известия Русского географического общества. 2009. Том 141. Вып. 3. С. 57-63.**
9. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. География террористических актов на территории России за 1995-2006 гг. // Материалы научно-практической конференции «Законодательное и практическое обеспечение деятельности органов исполнительной и законодательной власти в противодействии терроризму и экстремизму на территории Южного федерального округа. Владикавказ. 2008. С. 19-21.
10. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Особенности российского терроризма // Материалы научно-практической конференции «Законодательное и практическое обеспечение деятельности органов исполнительной и законодательной власти в противодействии терроризму и экстремизму на территории Южного федерального округа. Владикавказ. 2008. С. 21-22.

11. Бадов А.Д. География терроризма в России // Вестник Северо-Осетинского отдела Русского географического общества. № 11. 2008. Владикавказ: ВНЦ, Изд-во СОГУ. С. 20-28.
12. Бадов А.Д. Явления социальной девиации в молодежной среде // Айларов А.Е., Бадов А.Д., Тавасиев В.Х. Молодежная политика в Республике Северная Осетия-Алания: состояние, проблемы, перспективы – 1990-2001 гг.: Государственный доклад. Владикавказ: Олимп, 2002. С. 40-48.
13. Бадов А.Д. Общая характеристика преступности // Бадов А.Д., Дряев М.Р. География Республики Северная Осетия-Алания: Учебник для 8-9 кл. Владикавказ: Ир, 2003. С. 188-192.
14. Бадов А.Д. Особенности развития преступности в России в 1991-2001 гг. // Вестник Северо-Осетинского отдела Русского географического общества, № 9, 2006. Владикавказ: ВНЦ, Изд-во СОГУ, 2006. С. 28-35.
15. Бадов А.Д. Особенности развития преступности в России в 1991-2001 гг. (часть вторая) // Вестник Северо-Осетинского отдела Русского географического общества, № 10, 2006. Владикавказ: ВНЦ, Изд-во СОГУ, 2006. С. 9-16.
16. Бадов А.Д. Преступность как социальная проблема // Бадов А.Д., Тавасиев В.Х. Социально-демографические проблемы Северной Осетии. Монография. Сев.-Осет. Гос. Ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1998. С. 102-130.
17. Бадов А.Д. Опыт геокриминологической типологии (на примере Северной Осетии // Вестник СОГУ. Естественные науки. Владикавказ: СОГУ, 2003. – С. 170-177.
18. Бадов А.Д. Социально-демографические проблемы мест лишения свободы //Вестник Владикавказского научного центра. Том 8. № 4. 2008. Владикавказ: ВНЦ. С. 69-70.

19. Бадов А.Д. Некоторые проблемы географии преступности Северной Осетии // Вестник Северо-Осетинского отдела Русского географического общества, № 8, 2004. Владикавказ: ВНЦ, Изд-во СОГУ, 2004. С. 28-34.
20. Бадов А.Д. Проблемы урбанизации Северо-Осетинской АССР: территориальный аспект// Географические и социально-экологические проблемы Кавказа: Тезисы докладов региональной конференции.- Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1990. С. 24-25.
21. Бадов А.Д. Некоторые аспекты миграционных процессов в СОССР// Природно-ресурсный потенциал Центрального Кавказа (географические и социально-экономические проблемы): Сб. Науч. Тр. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1993. С. 41-56.
22. Бадов А.Д. Проблемы горных территорий // Эколого-географические проблемы горных и предгорных территорий. Тезисы докладов VII межвузовской региональной студенческой конференции (Владикавказ, 15 декабря 1994г.). Владикавказ: СОГУ, 1994. С. 28.
23. Бадов А.Д. Динамика численности населения Северной Осетии за 1985-1994 гг.// Горы Северной Осетии: природопользование и проблемы экологии: Сборник пленарных докладов и тезисов научной конференции.- Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1996. С. 185-187.
24. Багаева Н.Э., Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Хозяйственное освоение гор и проблемы беженцев и вынужденных переселенцев // Горы Северной Осетии: природопользование и проблемы экологии: Сборник пленарных докладов и тезисов научной конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1996. С. 184-185.
25. Багаева Н.Э., Бадов А.Д. Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в Северной Осетии // Горы Северной Осетии: стратегия устойчивого развития: Тезисы докладов IX межвузовской региональной студенческой конференции.- Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 31-32.
26. Лухманов Д.Н., Бадов А.Д. Некоторые направления и методы социально-географических исследований горных регионов // Устойчивое развитие

горных территорий: Тезисы докладов участников III Международной конференции 21-26 сентября 1998 г. Владикавказ: Иристон, 1998. С. 158-159.

27. Бадов А.Д. Городские агломерации Северного Кавказа в начале 2000 г.// Вестник Северо-Осетинского отдела Русского географического общества, № 6.- Владикавказ: Изд-во СОГУ и Северо-Осетинского Научного центра, 2000. С. 7-13.
28. Бадов А.Д., Багаева Н.Э. Динамика численности населения Северной Осетии в 1897-1997 гг.: общие итоги// Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран: Тезисы Международной конференции.- Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 58-60.
29. Бадов А.Д., Тавасиев В.Х. Миграция как фактор динамики численности населения Северной Осетии в период коренных изменений политических и социально-экономических условий (1914-1926 гг.) // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе: Тезисы Международной научной конференции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 20-22.
30. Бадов А.Д. Эволюция расселения в Северной Осетии // Устойчивое развитие горных территории: проблемы и перспективы интеграции науки и образования: Материалы Пятой Международной конференции 21-23 сентября 2004 г. Владикавказ: Издательство «Терек» СКГМИ (ГТУ), 2004. – С. 26-27.
31. Алексеев В.Б., Бадов А.Д., Гобеев В.В., Кудухов В.А. Основные проблемы горного расселения Северной Осетии на современном этапе // Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг: Материалы Международной конференции, Ставрополь-Домбай, 25-30 сентября. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ. 2005. – С. 229-230.
32. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Основные проблемы горного расселения Северной Осетии на современном этапе // Инновационные технологии

для устойчивого развития горных территорий: Материалы (Международная конференция V). 28-30 мая 2007 г. Владикавказ: Изд-во Терек, 2007. С. 24-25.

33. Макоев Х.Х., Бадов А.Д. Современные социально-демографические проблемы горных территорий Северной Осетии // Инновационные технологии для устойчивого развития горных территорий: Материалы (Международная конференция V). 28-30 мая 2007 г. Владикавказ: Изд-во Терек, 2007. С. 123-124.

Содержание диссертации

Введение

Часть 1. Особенности географии преступности

Глава 1. Развитие географического изучения преступности

Глава 2. Факторы преступности

Глава 3. Основные направления географического изучения преступности

Часть 2. Общая характеристика преступности в России

Глава 1. Особенности развития общей преступности

Глава 2. Преступления против личности

2.1. Территориальная дифференциация умышленных убийств и покушений на убийство

2.2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

2.3. Изнасилования и покушения на изнасилование

2.4. Синтезирующий коэффициент преступлений против личности

Глава 3. Особенности экономической преступности в России

3.1. Грабежи

3.2. Разбои

3.3. Кражи

3.4. Преступления в сфере экономики

3.5. Синтезирующий коэффициент экономической преступности

Глава 4. Наркомания

4.1. Наркомания как социальное явление

4.2.Территориальная организация наркопреступности в России

Глава 5. Эволюция терроризма

Глава 6. Организационная и территориальная структура пенитенциарной системы России
Глава 7. Определение степени криминальной безопасности регионов, теория и типология геокриминальных зон
Часть 3. Региональные особенности преступности в России
Глава 1. Центральный район
Глава 2. Центрально-Черноземный район
Глава 3. Северо-Кавказский район
Глава 4. Поволжский район
Глава 8. Дальневосточный район
Заключение
Литература

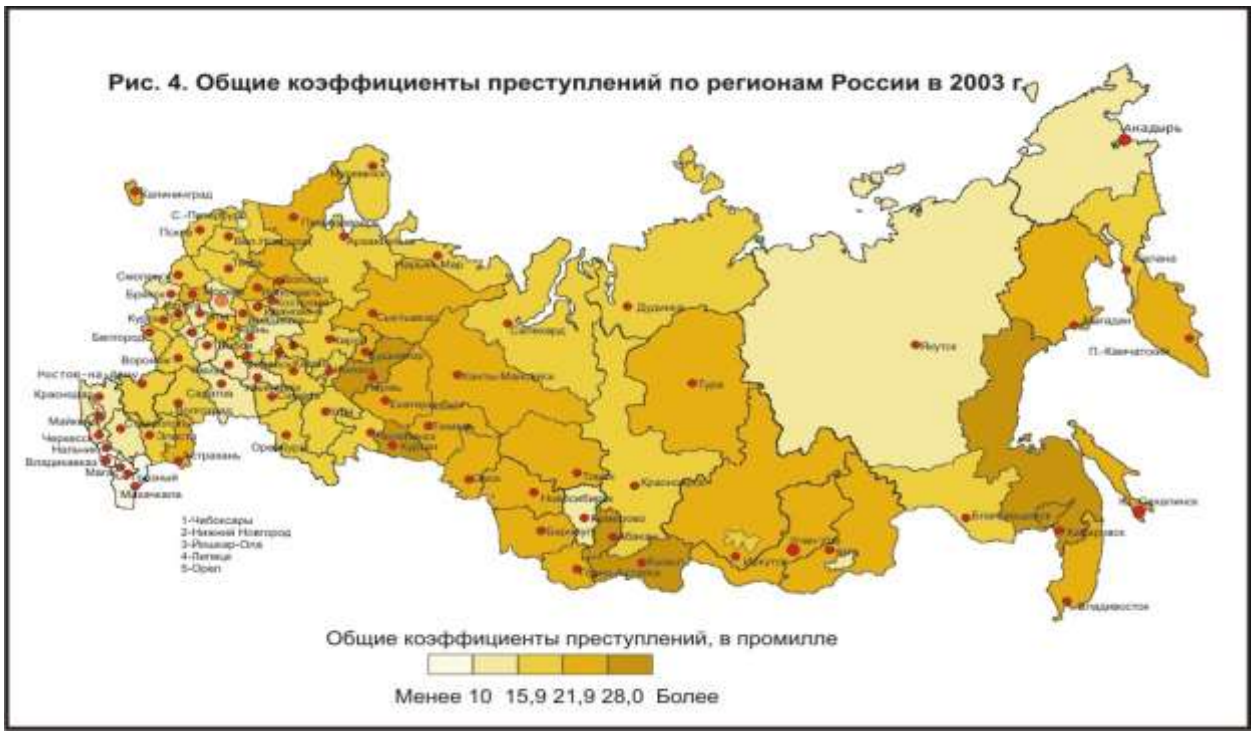

Рис. 5. Коэффициенты убийств по регионам России в 2003 г.

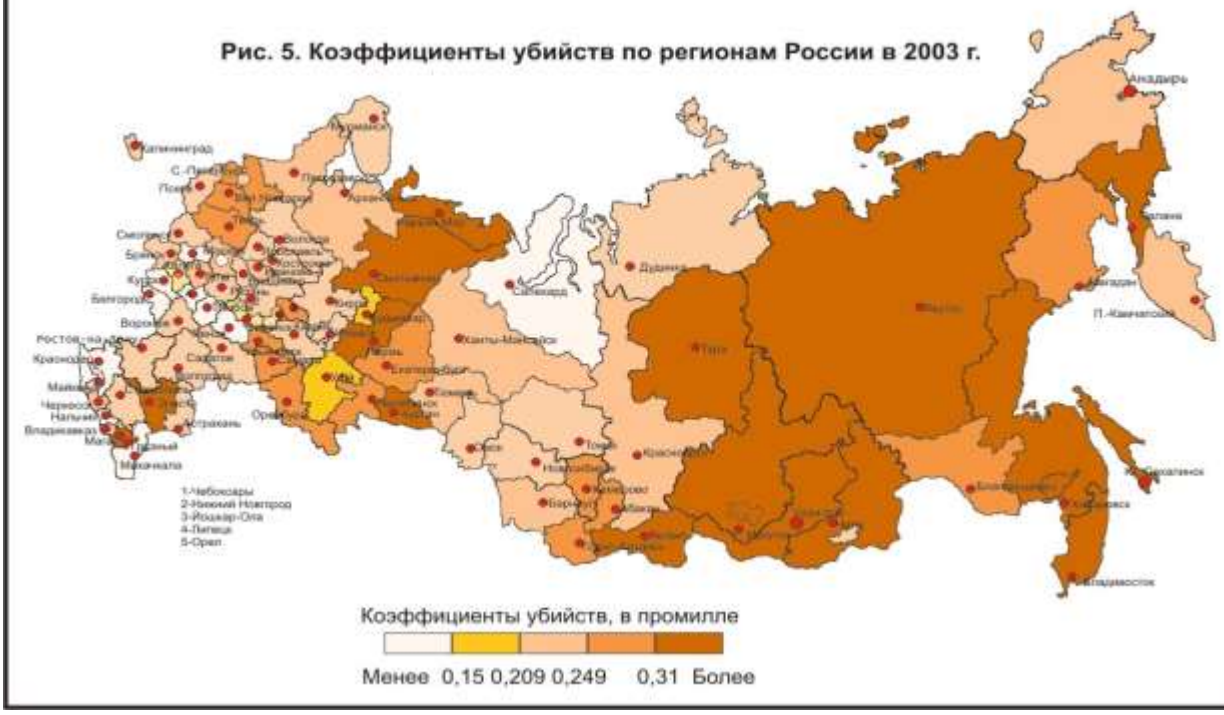

Рис. 6. Суммарный коэффициент преступлений против личности за 1990-2003 гг.

Рис. 7. Общие коэффициенты краж по регионам России в 2003 г.

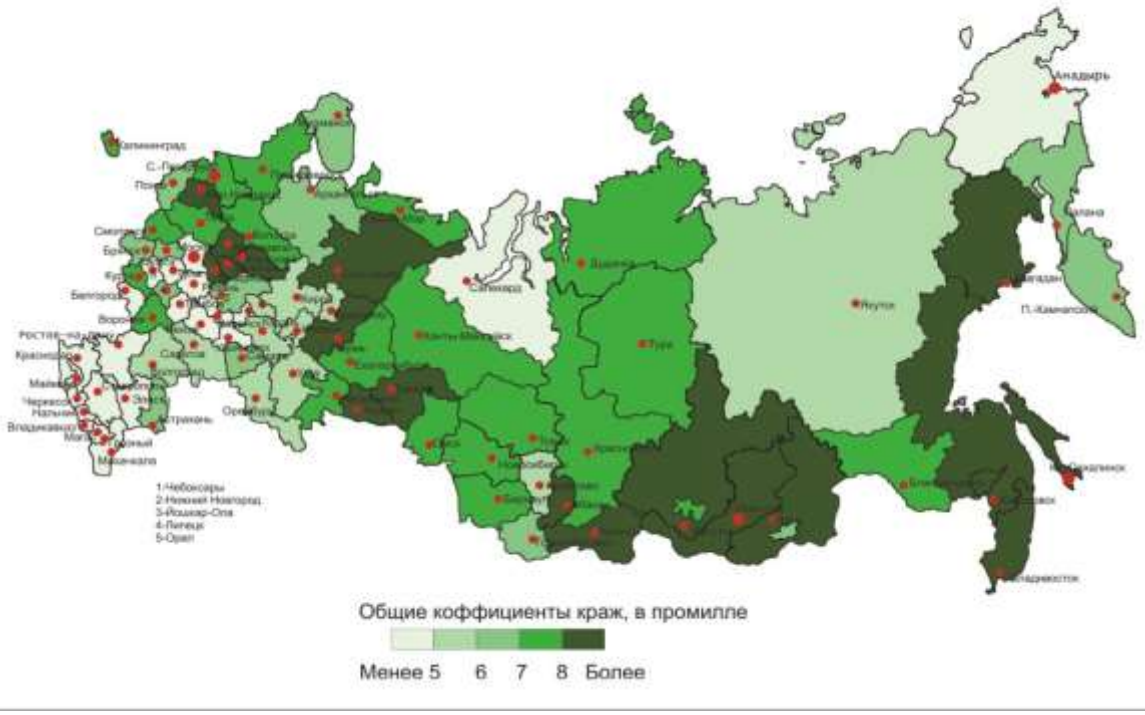

Рис. 8. Общие коэффициенты преступлений, совершенных в сфере экономики по регионам России в 2003 г.

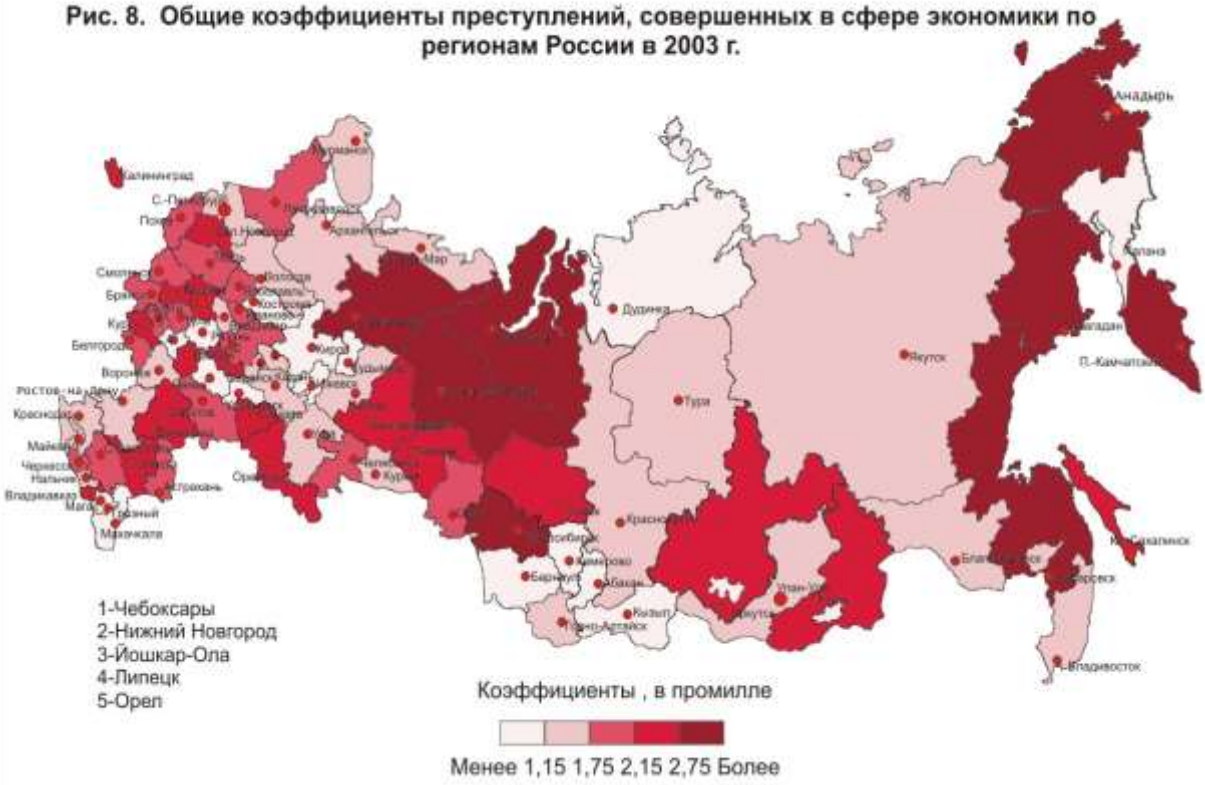

Рис. 9. Общие коэффициенты преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков по регионам России в 2003 г.

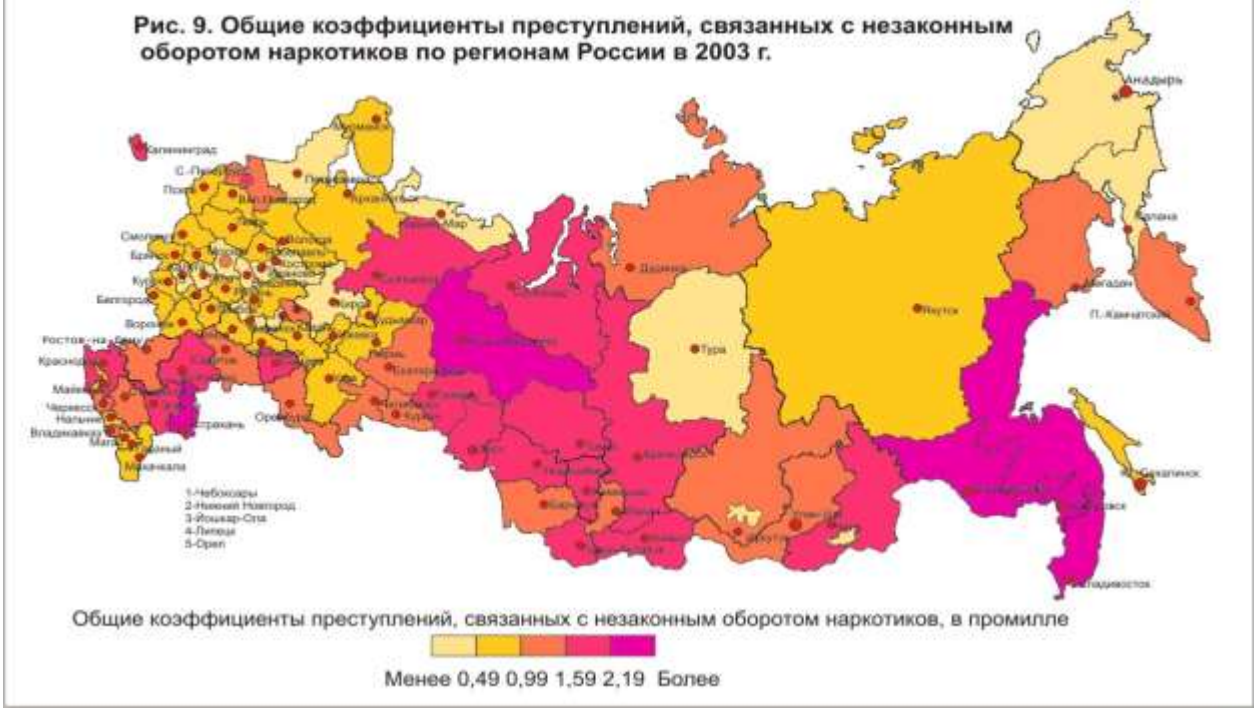

Рис. 10. Основные международные наркотрафики в Россию

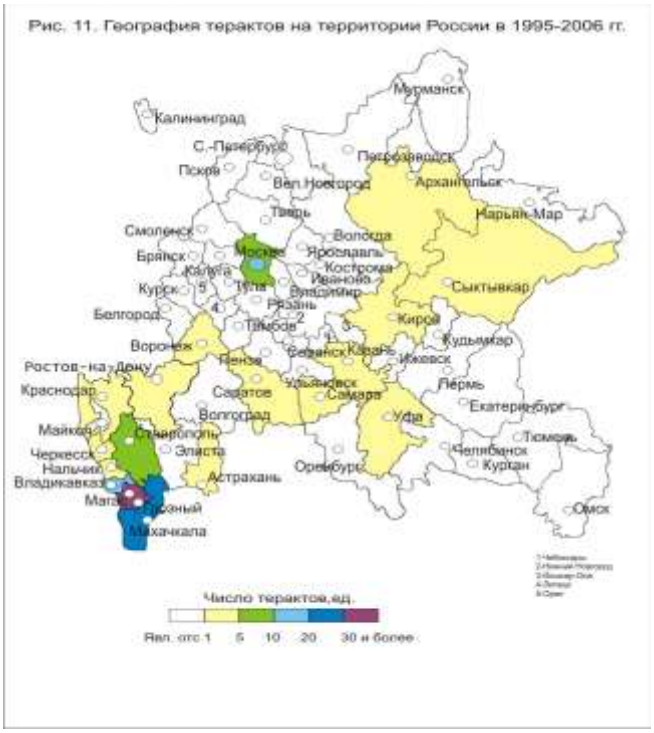

Рис. 12. Число убитых и раненых в террористических актах по регионам России за 1995-2006 гг.

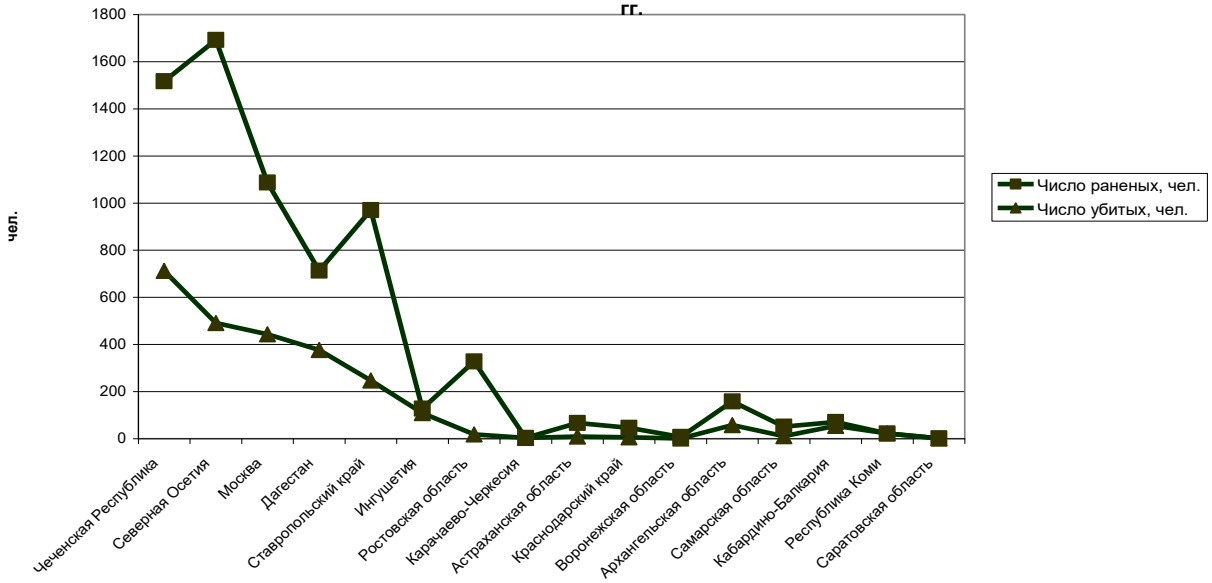

Рис. 13. Густота учреждений пенитенциарной системы в 2005 г.

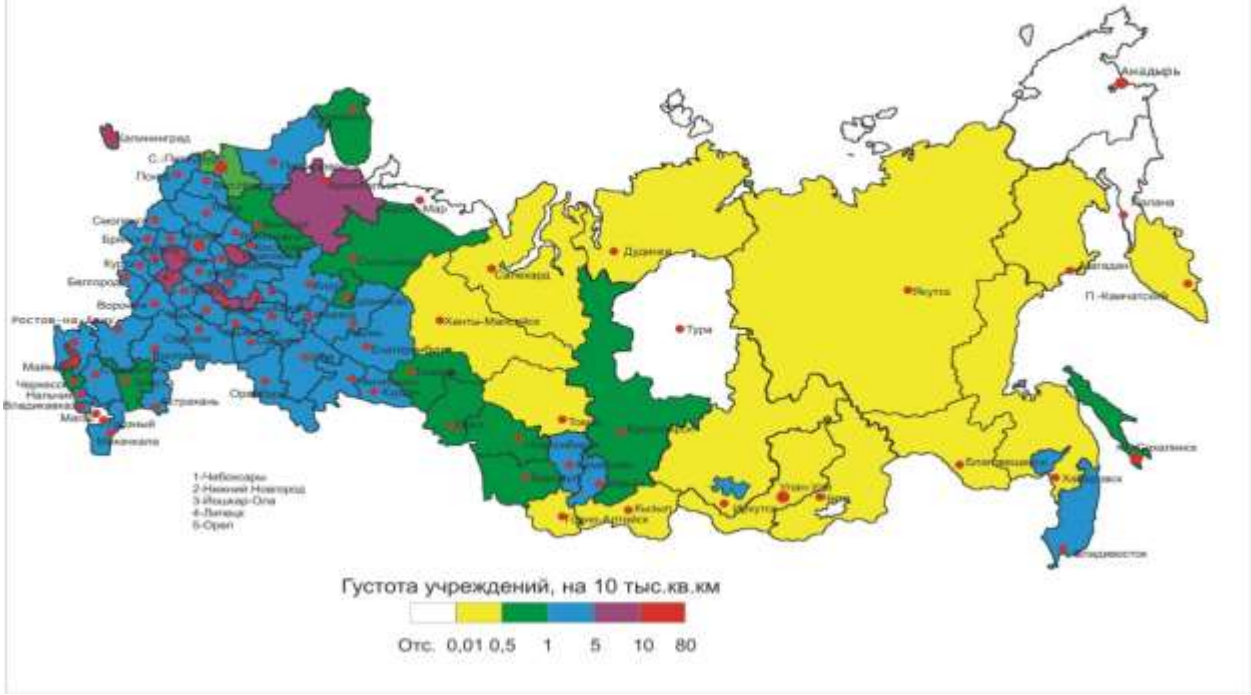

Рис. 14. Коэффициенты степени криминальной безопасности регионов России за 1990-2003 гг.

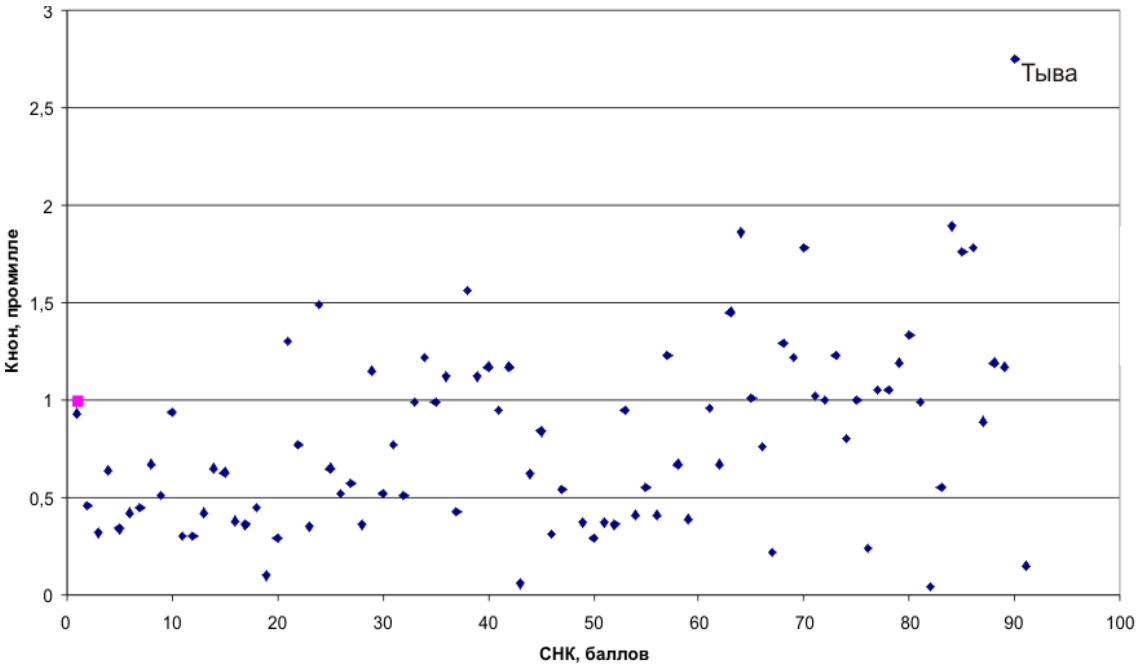

Рис. 15. График корреляции СнК и коэффициента наркопреступлений по регионам России за 1990-2003 гг.